ПЕРМЯКИ

Спецвыпуск сентябрь 2001 года

От раритета до электронного варианта

Прекрасно, что пришло время осознания важности такого явления в мировой истории и культуре как Книга.

В историческом контексте книга представляется нам в своей многозначности и многообразии: и как Книга - ее величество, и Книга - Вдохновение, и Книга - разрушение, и Книга - подружка, обретая в каждом времени своих читателей, создавая вокруг своего текста узкий или широкий круг единомышленников.

По праву гордится прикамская земля такими замечательными творцами литературных текстов, как Федор Решетников, Дмитрий Мамин-Сибиряк, Василий Каменский, Михаил Осоргин, Аркадий Гайдар, как наши современники Виктор Астафьев, Лев Давыдычев, Владимир Радкевич, Алексей Решетов, Лев Кузьмин и другие творцы, создавшие феномен Пермской Книги.

Прикамье волею Случая, судьбы или рока вдохновляло и известных в мире писателей, оставивших пермские страницы своей творческой биографии (В. Короленко, Б. Пастернак, О. Мандельштам, В. Панова, В. Шаламов).

Книжный мир Прикамья переживал и взлеты и падения, но по прошествии многих десятилетий он заявил себя солидным творческим цехом, объединяющим и прозаиков, и поэтов, и детских писателей, и публицистов, и издательскими возможностями, и уникальной библиотечной сетью, переживающей сегодня информационное перерождение, и, конечно же, многочисленными читателями. А потому понятна определенная смелость созыва Пермского форума книги, призванного обсудить проблемы поддержки талантливой молодежи, сохранения литературного наследия, перевода библиотечной сети на современную информационную базу, а по большому счету - возрождения и развития традиций книгоиздания...

Книга достойна своего представления на уровне форума, который, надеемся, поможет прочесть ее в контексте современности, *независимо от того, как она представлена* - либо раритетное издание прошлых столетий, либо ее электронный вариант.

Татьяна Марголина,
заместитель губернатора Пермской области, председатель оргкомитета Пермского форума книги.

Слово о форуме

Идея родилась во время Пятого Всемирного конгресса Всемирной федерации ассоциаций и клубов ЮНЕСКО, который проходил в Екатеринбурге в конце 1999 года. Посланцы со всего мира пытались тогда осмыслить суть уходящего века и "спроектировать" события предстоящего. И то, что это происходило на стыке двух великих континентов, было уже само по себе символичным. Говорили о том, что каждый век в истории человечества оставил себе своеобразный памятник. Девятнадцатый - технократический - Эйфелеву башню, например, двадцатый - какой по сути? - памятника себе вообще не поставил. Или поставил, но слишком страшный: атомную бомбу? И так всем хотелось верить, что наступающий двадцать первый оставит после себя памятник разуму и духовности... Какой же камень заложить в фундамент этого памятника? Мнений, конечно же, было множество, однако большинство участников конгресса в ходе общения все более склонялись к мысли о том, что таким "камнем" должна быть КНИГА! И вот тогда подумалось: на стыке двух веков и двух континентов должно состояться еще одно событие, которое, может быть, и не сразу оценят, но значимость его будет несомненна. Так родился проект Пермского форума книги. Некоторые средства массовой информации, страдающие местным патриотизмом, до сих пор пытаются переставить местами слова и называют его Форумом пермской книги, совершенно не вникая в суть предстоящего события. С таким же успехом можно говорить о Фестивале канского кино, например. Название нашего Форума становится глубоко символичным, если видеть в нем не только географический смысл, а вспомнить о том, что по имени земли нашей назван целый геологический период в развитии планеты. Период, когда земля была едина, не разорвана на материки, и, по всей вероятности, в одном из уголков ее (Гиперборее?) проживал некий пранарод, от которого и произошли потом все другие народы мира. Таким образом, в идеологической основе Форума лежит прежде всего идея единения всех культурных сил на пути развития этой самой культуры, а книга - символ этого единения, поскольку только она объединяла и будет объединять народы, независимо от языковых, национальных и прочих различий. Да, появились новые информационные технологии, да, человек все более становится "придатком" машины, но это совсем не означает, что так должно быть. И пусть книга поможет нам в этом.

Представительство на предстоящий форум определилось самой жизнью: Пермскую область, неожиданно для нас, присоединили к Приволжскому федеральному округу. Естественно, на первых порах это огорчило. Но, как говорится, нет худа без добра. Не сомневаюсь, что новые связи обогатят не только нас, пермяков, но и жителей Приволжья. Пусть познакомятся со своеобразной прикамской культурой, а мы в свою очередь постараемся осмыслить себя в новом контексте, и не только региональном, но и всероссийском. К тому же в символику задуманного Форума замечательно вписывается дополнительный "оттенок": объединяющее действо двух великих рек России - Камы и Волги. Одним словом, мы будем рады нашим гостям. И я лично нисколько не буду возражать против того, если Пермский форум книги на следующий год "превратится" в Нижегородский или Казанский. Лишь бы книга жила...

Александр Старовойтов,
директор Пермской областной библиотеки им. М.Горького,
автор проекта,
исполнительный директор форума

Сегодня в номере:

- **Бермудский треугольник: власть- бизнес-культурное сообщество (стр. 4).**
- **Интервью с издателями (сквозная рубрика на стр. 2, 4, 6).**
- **Автограф на память, сквозная рубрика: Лев Правдин, Василий Шишонко, Олег Лундстрем, Анатолий Тумбасов, Анзор Шомахия, Ричард Моррис, а также воспоминательное эссе Дмитрия Ризова на 6-й полосе.**
- **Исповедь писателя (стр. 9).**
- **Ревю Вячеслава Ракова (стр. 10).**
- **Жизнь после смерти (стр. 11).**
- **Поэт о поэте (стр. 12).**
- **Скрещенья судеб. Суд Гайдара... (стр. 14).**

Анонс!
СМЫШЛЯЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Одним из центральных моментов форума книги станут VII Смышляевские краеведческие чтения, названные так в честь Дмитрия Дмитриевича Смышляева (1828-1893), замечательного общественного и земского деятеля, журналиста, издателя, библиографа, краеведа. К этому событию приурочен выход сборника избранных материалов и тезисов. В нем, как всегда, читатель найдет немало новых открытий и публикаций большого авторского коллектива. Есть здесь глубокий анализ первоисточников, пополняется коллекция мифов. Актуальнейший разговор на тему, каким быть учебнику по истории, продолжен на этот раз на основе книги "Пермь от основания до наших дней". Представлено и творчество литераторов, одно из имен - "полу-пермяк, полу-москвич" Леонид Юзефович (который, кстати, недавно вновь заставил говорить о себе историческим детективом "Князь ветра", ставшим "Национальным бестселлером года").

И ГЛАВНЫЙ ПАПА ПЕРМИ

С трех номинаций начинала свою жизнь премия города Перми в сфере культуры и искусства. Было это год назад. И вот состоялось награждение лучших за 2000 год, теперь уже по семи номинациям. Лауреатами Перми стали молодые, но уже добившиеся известности творцы, такие, как писатель, создатель и главный редактор газеты для детей и взрослых "Папа" Андрей Зеленин – премия имени поэта и критика А. Мерзлякова; солист государственного театра "Балет Евгения Панфилова" Сергей Райник – премия имени С. Дягилева; актер театра "У моста" Андрей Пудов – премия имени народной артистки СССР Л. Мосоловой. Среди лауреатов – главный библиотекарь Славянской библиотеки Татьяна Баранцева, она награждена дипломом и премией "за заслуги в развитии библиотечного дела". Но пока эта номинация безымянная.

У вас есть предложения? Любая инициатива принимается в городском комитете по культуре и искусству с благодарностью.

ПОСВЯЩЕНИЕ ВИНЯРСКОМУ

КТО ИСПОЛНИТ "ФРАНКО-РУССКИЙ МАРШ"?

В фондах Пермской универсальной публичной библиотеки имени Горького недавно обнаружены материалы, документы, связанные с жизнью и творчеством легендарной личности – Людвига Винярского, скрипача, дирижера, педагога, которого при жизни называли "пермским Штраусом" (именно так писали тогда эту фамилию).

Людвиг Иванович прожил в Перми 12 лет, до своей преждевременной смерти (в сборнике "Из музыкального прошлого" допущена неточность: Винярский умер не в 1895, а в 1901 году). После Варшавской консерватории он музицировал в Саратове и преподавал в музыкальных классах Саратова. Об этом времени напоминает афиша прощального бенефиса Винярского, данного в Приволжском вокзале М.К. Ивановой 10 августа 1878 г. Среди произведений, исполненных тогда, были увертюра из оперы М. Глинки "Жизнь за царя", "Плач девицы" Ф. Шуберта и др. На новом месте начал работать скрипачом в пермском театре. А вскоре пермский историк А. Дмитриев записывает в своей летописи: "21 мая 1889 г. в первом летнем театре в Перми оркестром в саду дирижирует г-н Винярский, приглашенный из Саратова".

В числе пермских находок есть также ноты фортепьянного сочинения Германа Суслина "Франко-русский марш", с посвящением "Людовику Ивановичу Винярскому". Видимо, обоих объединяло участие в Пермском музыкальном кружке, который тогда переживал свой расцвет. (Странно, но на фотографиях членов кружка нам не удалось пока обнаружить самого Винярского, возможно, он избегал фотографироваться из-за своего физического недостатка, у него был горб). У членов центра польской культуры Перми есть намерение исполнить марш, посвященный замечательному музыканту.

Издатель славный... ЧТО НА ВЫХОДЕ?

Сегодня в Перми существует более десяти издательств. В каждом из них стараются в меру сил и возможностей выпускать хорошие книги, продолжая лучшие традиции пермских издателей. Мы провели блиц-опрос. Ни один из директоров не мог сказать, что его фирма живет припеваючи, трудно всем. Но в плане каждого издательства, как правило, всегда есть завлекательные названия.

О новинках этого года рассказывает директор издательства "Пушка" Н.А. ЗЕНКОВА:

- На выходе у нас несколько исторических изданий, которые уже ждет читатель. Прежде всего это "Чермозский завод: факты, моменты, события", книга приурочена к 300-летию города. Следующее издание называется "А рядом жила любовь", автор В. И. Вяткин написал ее в художественно-документальном жанре, тут и история Пермского пулеметного училища, и жизнь его поколения (возможно, появится и вторая книга, продолжение). В завершающей стадии работы у нас также каталог памятников истории и культуры Пермской области (государственные списки), юбилейное издание по истории Свердловского района г. Перми, по истории Березниковской нефтяной экспедиции. Кроме того готовится переиздание книг "Город Пермь, его прошлое и настоящее" известного краеведа В. С. Верхоланцева, а также современных тематических исследований "Пермь купеческая" и "Пермь торговая", и новое издание, предложенное Т.Я. Анисимовой, это антология пермских поэтов XVIII - начала XX вв.

Есть в работе издательства и документальная повесть Н.А. Аликиной о видном революционере Гаврииле Мясникове, одном из главных организаторов убийства великого князя Михаила Александровича в Перми в июне 1918 года, это у нас серия "Время и судьбы". Издадим как только найдем недостающие пока средства. Это будет своего рода продолжение сборника "Скорбный путь Михаила Романова: путь от престола до Голгофы", изданного "Пушкой" в 1996 году.

На снимке: Михаил Романов, которого некоторые называют "последним российским императором".

ЗНАКИ

-"НЕ О НАС ГУДИТ ВЕТЕР".
-"О ЧЕМ ШУМЯТ ВЕТВИ, КОРНИ НЕ ЗНАЮТ".

Федор ИСТОМИН, писатель, г. Кудымкар

(Из книги "Знаки. Афоризмы"; сборник увидел свет лишь в газетном варианте в 1998 г.)

Дело Павленкова

КАК МЫ СОХРАНИЛИСЬ

Сто лет назад в российских селах и деревнях стали интенсивно возникать бесплатные народные читальни. Толчок этому массовому движению был дан петербургским издателем-просветителем Ф.Ф. Павленковым – случай в отечественной истории беспрецедентный.

Флорентий Федорович был убежден , что прогрессивная, популярная книга, написанная увлекательным языком, может оказать существенное влияние на развитие мировоззрения человека. Как известно, весь свой огромный капитал Флорентий Федорович завещал на создание в селах России бесплатных народных библиотек. Душеприказчики издателя выполнили его наказ. Более двух тысяч библиотек, созданных на средства Павленкова, до революции носили его имя. В Пермской губернии их было открыто более 150.

И вот в последнем пятилетии XX века департаментом культуры Пермской областной администрации был проведен областной смотр-конкурс "Павленковская библиотека". Длительная работа в архивах, глубокое изучение истории библиотек на фоне истории сел и поселков дали интересные итоги. Выявлено 130 библиотек, созданных на средства Ф.Ф. Павленкова на территории губернии, им возвращено это славное имя и присвоен статус "Павленковская библиотека". 113 из них – сельские.

Результаты столь впечатляющи, что главным итогом смотра можно назвать воспитание у библиотекарей вкуса к поиску. Сохранившаяся павленковская сеть наглядно показывает, что библиотека, хранитель мировых духовных и интеллектуальных ценностей – величина постоянная, не поддающаяся политическим и иным конъюнктурам.

И еще: почетный именной статус этот приравнивает библиотеку к памятникам культуры, поэтому закрыть ее уже нельзя.

Алла МОЛОДЦОВА,
главный библиотекарь
Пермской ОУБ им. А.М. Горького

В ДАЛЬ СВЕТЛУЮ – С ЧАСТУШКОЙ

Приятно после путешествия на далекий север, в самую что ни на есть Пермь Великую, получить оттуда весточку. Письмецо прилетело на адрес редакции из Павленковской библиотеки старинного села Редикор. Сразу вспомнилась фамилия заведующей: Якутова, и теплый прием, который оказали гостям милые сотрудницы.

В письме мы нашли и новости, и фотографии, сделанные у старой мельницы. "Она, к сожалению, не крутится, не вертится, не бьет вода о камни", - читаем мы в письме. Но бьется жизнь вокруг и в самой библиотеке, ставшей центром культурной жизни жителей, и по-прежнему поются частушки, и поэты в чести (стихи мы обнаружили и в письме). Здесь даже сумели издать сборник частушек. А слушать, как их исполняют местные певуньи, одно удовольствие. Вот одна из частушек:

Шила милому кисет,
Вышла рукавица,
Меня милый похвалил:
"Эка мастерица!"

(Составитель сборника Леонид Южанин).

ДВИЖЕНИЕ, ТРУД И ПОЗНАНИЕ

Серебряное кольцо Прикамья

"В основе рождения пермского "кольца" должна быть инициатива исторических городов и поселков (их в Пермской области 18 –ред.), поддержанная местными властями. Сама инициатива – за местными экологами и краеведами... Главная же роль в создании "Серебряного кольца Прикамья", на мой взгляд, должна принадлежать школьникам, и тем, кто примет участие в организации туристических центров, и тем, кто будет совершать туристические походы. Исхожу из того, что подросткам необходимы движение, труд и познание..."

Так писал в 1997 году драматург Борис Александрович Черенев в своем обосновании проекта туристического маршрута по историческим городам и весям, раскинувшимся вокруг Камы - серебряной артерии региона. Проект был обнародован на страницах пермской прессы, идея встретила понимание многих пермяков, читатели поддержали замысел. К сожалению, при жизни Б.А. Черенева (он умер в 1998 г.) полностью воплотить проект не удалось. Но идея его "проросла" и мы надеемся, со временем она "обрастет" конкретными делами и инвестициями, будет облечена в новые увлекательные поездки и изыскания.

Большинство читательских адресов, предложений, поступивших в ответ на призыв краеведа, содержали слова о том, что тот или иной объект "обязательно должен быть включен в маршрут"! Таких объектов набралось много. Часть из них стала адресами для командировок наших корреспондентов в последнее время.

На снимках:. многим интересен и притягателен исторический город Кунгур, но один из маршрутов связан с именем знаменитым: в 1790 году здесь побывал писатель-демократ А.Н. Радищев: в доме воеводы, где останавливался опальный мыслитель, сейчас расположен музей; в старинном селе Серьга Кунгурского района сохранился дом, где жил Радищев по пути в Сибирь.

Фото А. Лебединского

Эмиграция

ГУБЕРНАТОР, УШЕДШИЙ В МОНАСТЫРЬ

"Вера без дел мертва есть. Вера учит, дела воспитывают..." - так говорил пермский губернатор Александр Владимирович Болотов, выступая в 1909 г. на открытии общества "Русское зерно". Пермское отделение этого общества, появившееся одним из первых в российской провинции, было его детищем, его гордостью...

Болотов принял дела в губернии в тяжелое время - в декабре 1905 года, и наводил здесь порядок после революционных событий достаточно жесткими методами, но запомнился всё же не этим. Владелец небольшого имения в Новгородской губернии, потомственный и просвещенный помещик (воспитанник сельскохозяйственной школы), он всей душой воспринял начавшиеся Столыпинские реформы и содействовал проведению их во вверенной ему губернии как мог: данной ему властью и собственным авторитетом.

В книге "Пермские губернаторы", изданной в 1997 году к 200-летию образования Пермской губернии, рассказывается и об А. В. Болотове. Рассказ этот без конца: не удалось найти сведений о последних годах его жизни. Впрочем, этого не удалось сделать практически никому из авторов, чьи "персонажи" перешагнули 1917 год. Поистине, ураганный ветер пронесся над страной, разметав россиян по всему свету. Известно лишь, что, выйдя в отставку, Александр Владимирович жил в Петрограде, был в действующей армии в годы первой мировой войны, поддерживал связь с Пермью, писал много писем.

И вот его следы обнаружились. Даже не следы, а самая последняя точка: конец жизни, место упокоения. Болотов Александр Владимирович, бывший пермский губернатор, камергер Высочайшего Двора, почетный опекун Петроградского опекунского совета умер в монастыре Св. Пантелеймона на Афоне в апреле 1938 года. В монашестве - Амвросий...

Удивительные повороты судьбы делает иногда судьба!

Он был одним из немногих губернаторов, у которого не сложились отношения с руководством Пермской епархией. Ему также не удалось найти взаимопонимание с начальником Серафимо-Алексеевского скита Белогорского монастыря иеромонахом Серафимом (в миру - Георгий Михайлович Кузнецов), который уже в те годы пользовался большим авторитетом среди. Спустя несколько он стал духовником великой княгини Елизаветы Федоровны, а еще позднее сумел вывезти ее останки из охваченной

гражданской войной России. Впрочем, начинались их взаимоотношения вполне благополучно. 29 июня 1907 года Болотов посетил Свято-Серафимовский скит на Белой горе, став первым губернатором, побывавшим здесь. Серафим произнес по этому поводу теплую приветственную речь, позже опубликованную. Но сохранить добрые отношения не удалось. Запрещая митинги и демонстрации в связи с политической обстановкой, губернатор не делал исключения и для религиозных шествий.

В 1908 году Серафим доставил в Пермь из Иерусалима и Св. горы Афон раку с частицами святых мощей древних угодников - св. Нифонта, преподобного врача Агапита и св. Дамиана. 8 июня жители Перми провожали раку на Белую гору. Крестный ход отличался небывалой торжественностью, но Болотов намеренно не принял в нем участия. Игумен Серафим не раз упоминал в своих сочинениях о "жестоких обидах и грустных недоразумениях" со стороны светских властей: "Нашлись малодушные администраторы и уступчивые пастыри, убоявшиеся страха... Сколько было за эти несчастные годы отменено традиционных крестных ходов, отменено на радость врагам Церкви и на скорбь верующим".

Имелись, судя по всему, и другие причины для разногласий. Серафим был не только религиозным, но и политическим деятелем в полном смысле этого слова: он являлся душой, идеологом, неустанным пропагандистом монархистского, черносотенного Союза Русского Народа. В 1906 году вышел его первый печатный труд - "Призыв к укреплению Веры, Царя и Отечества", выразивший всю суть пастырско-миссионерской деятельности иеромонаха. Чтобы не быть голословными, приведем фрагмент его выступлений на собраниях монархистов в Перми, Мотовилихе, Кунгуре, в уездах губернии:

"Россия – для русских... Что же сделает это Иродово, Богом и людьми проклятое племя у нас в России? Ведь евреев у нас наплодилось уже до 8 миллионов душ, и они ведь размножаются, как в урожайный год грибы. Эта стая хищников, как только добьется равноправия, так сейчас же ползет к власти, и тогда начнется разрушительная работа евреев и с нашими церквами, с нашим духовенством и с нами самими начнется расправа такая же, как во Франции. Нам надо бояться равноправия евреев больше всего на свете! Всеми мерами и силами нужно стараться, чтобы сия чаша миновала святую Русь, ибо равноправие евреев - неизбежная гибель России..."

Особенно активно Серафим вел себя во время выборов в Государственную думу. Он отчаянно уговаривал, призывал, требовал, угрожал, заклинал свою паству: "Почему же не благословил Господь наших первых двух Дум и послал им вместо духа премудрости - дух безумия? А потому, что они были детищем неверия и крамолы, члены думы оказались ... злыми завистниками власти царской и чужого благосостояния, убийцами, душегубцами и разбойниками".

Трудно представить себе, чтобы столь неистовая, целеустремленная деятельность пастыря могла успокоить взбудораженный народ, привести к миру и согласию. Неудивительно, что Болотов, отвечавший за порядок и спокойствие в губернии, не одобрял подобной пропаганды.

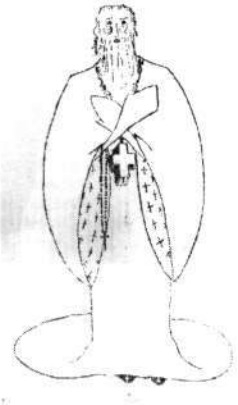
Впрочем, когда в 1909 году в Перми развернулась кампания за перенесение из Москвы мощей св. Стефана Великопермского, он стал одним из главных вдохновителей этого дела. Провожая Александра Владимировича из Перми после выхода его в отставку, игумен Серафим отметил, что губернатор "твердо стоял на почве правды и закона"...

В 1953 году в Государственный архив Пермской области был передан на хранение родовой фонд Болотовых. Он попал сюда долгим кружным путем, через несколько центральных архивов. Фонд содержит сведения о четырех поколениях рода, с Пермью связана из всех его представителей только наша губернаторская чета. И все же архивисты, вероятно, были правы, определив окончательное место хранения документов. До конца своих дней Болотов ощущал свою связь с нашим городом. Не случайно в появившемся в парижской газете некрологе он характеризуется прежде всего как бывший пермский губернатор. Возможно, эти годы были самыми значительными в его послужном списке. А может быть, у Перми действительно есть какая-то магическая власть.

В архиве почти нет материалов, связанных со служебной деятельностью губернатора. Зато много документов, рассказывающих о его личной и духовной жизни: письма, рукописи с размышлениями о судьбе России, дневники. Александр Владимирович был неравнодушным человеком, много и серьезно думающим. Родовое имение Болотовых "Горка" находилось в Новгородской губернии, близ станции Любань. Он тосковал, вынужденный постоянно работать вдалеке от собственного дома: "Нечего и говорить, как мне грустно расставаться с Любанью, но что же делать, надо же подвигаться по службе и зарабатывать себе кусок хлеба".

Что привело его на склоне лет в монастырь на святой горе Афон? Вера, желание посвятить свою жизнь богу? Или, как это нередко бывало, беспросветная нужда, одиночество и беззащитность на старости лет? Эмигрантская судьба - не мед. Напрасно мы порою романтизируем эмиграцию, не слишком внимательно читая горькие строки в мемуарах знаменитых изгнанников. В течение всей своей долгой, наполненной трудом и заботами жизни, Александру Владимировичу Болотову не хватало времени на размышление о судьбе своей родины и всего человечества, о добре и зле. Может быть, монаху Амвросию удалось найти ответы на эти вечные вопросы, кто знает...

На снимках: губернатор А.В. Болотов; игумен Серафим (Кузнецов), таким его увидел художник из журнала "Гном", издававшегося в Екатеринбурге в 1907 г.



Серебряное кольцо Прикамья

"ВОЙНУ Я БЬЮ, СКОЛЬКО У МЕНЯ ЕСТЬ СИЛ..."

На привокзальной площади города Верещагино долгие годы стоял памятник Ленину. В конце 90-х его сменил на посту русский художник В.В. Верещагин (автор бюста пермский скульптор А. Уральский). Кто-то считает, что город так назван в честь уроженцев Прикамья известных художников-академистов. Конечно, с точки зрения исторической справедливости это было бы вполне приемлемо, но нет, тут другой "герой романа". Известно, что Василий Васильевич Верещагин, замечательный живописец и писатель (об этом знают меньше, но у него изданы интересные повести, путевые очерки, воспоминания) в Вознесенской – так назывался населенный пункт - только останавливался на станции, когда поезд, на котором он ехал, совершил здесь вынужденную остановку, для ремонта. Случилось это в феврале 1904 года, и это был последний маршрут знаменитого баталиста: Василий Васильевич направлялся на русско-японскую войну, чтобы вскоре, через месяц с небольшим, принять героическую смерть на флагмане нашего флота броненосце "Петропавловск"... "Передо мною, как перед художником, Война, и ее Я БЬЮ, СКОЛЬКО У МЕНЯ ЕСТЬ СИЛ", - так писал Верещагин, имея ввиду "мировую идею войны".

Приглашение к разговору

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Литературная Пермь находится в состоянии внутренней блокады. Ситуация абсурдная: есть авторы и тексты, но их никто не издает, а следовательно, никто не читает. Соответственно, нет литературной критики.

Такая ситуация сложилась за последнее десятилетие – "десятилетие утраченных возможностей". Именно так назывался "круглый стол", который состоялся в областной библиотеке имени Горького.

Неожиданный ракурс
"ВОПРОС, КОНЕЧНО, ИНТЕРЕСНЫЙ..."

(Доктор филологии Владимир АБАШЕВ с одним из своих читателей. В 2000 г. известный критик опубликовал плод своих многолетних исследований и размышлений "Пермь как текст", кроме того, на основе того же материала защитил докторскую диссертацию).

Участникам дискуссии, пермским писателям, было предложено не только констатировать, что произошло (читай: кто виноват?), но и предложить пути выхода из сложившегося кризиса (читай: что делать?). Собственно, были сформулированы две четкие позиции.

Владимир АБАШЕВ, критик:

-В это десятилетие в Перми полностью развалилось книгоиздательство. Безусловно, выходили и выходят какие-то книги, но это случается спорадически, по случаю. Кто-то находит деньги, помогают спонсоры и т.д. Процесс этот абсолютно стихийный. Почему так случилось? Я думаю, что это объясняется характером города, его историей и месторасположением. Я когда размышлял о культурных приключениях в девяностые годы, понял: Пермь по всем своим внешним параметрам – крупный город (много театров, развитая экономика, Пермь находится на четвертом месте по числу миллионеров, официально задекларировавших свои доходы). Но, если взять город в социально-ментальном аспекте, – это малый город. Это Кунгур, увеличенный раз в двадцать. Почему? Пермь развивалась взрывным образом. До войны – это маленький провинциальный город, потом сюда сваливается тяжелая промышленность, и за каких-то двадцать лет он разрастается и увеличивается, захватывая малые деревни и т.д. Поэтому в Перми нет базы для литературы. Собственно городских писателей здесь никогда не было. А ведь литература – это городское явление. Когда государство поддерживало литературу, то литературный процесс был ("золотое" десятилетие шестидесятых годов). Начинаются девяностые с их экономическим брожением, и литература разваливается. Сейчас сами собой начинаются изменения. Но четкого механизма пока нет. Одним из препятствий является не инициативное культурное сообщество. Ждать от власти, губернатора чего-либо не стоит. Нужно, чтобы треугольник Власть – Бизнес – Культурное сообщество заработал по-новому. Пока каждое из этих звеньев очень инертно.

Реальным подтверждением тезиса Владимира Абашева о том, что в литературной ситуации начинают происходить изменения, явилась такая новость: при библиотеке Горького организована творческая группа, которая нашла финансовый механизм для того, чтобы помочь пермским литераторам напечататься. Литература Перми обогатится еще одним литературным альманахом – "Кама", первый выпуск которого практически готов.

Кроме того, фондом "Юрятин" (чья просветительская, издательская деятельность была отмечена год назад престижной премией "Малый Букер") и центром печати областной администрации сейчас готовится информационно-издательский справочник "Издательский портфель Перми". Он будет существовать в двух видах: электронном и бумажном. В него войдут сведения об авторах и их рукописях. В бумажном виде (буклет) справочник будет подарен гостям города, чтобы издатели вложили в него свои средства и издали эти рукописи. Таким образом, пермские рукописи начнут экспансию за пределы Перми и области.

Писатель ***Дмитрий РИЗОВ*** высказал иную точку зрения:

-В советские годы в Перми пробиться стоящему писателю было невозможно. На издателей оказывался партийный пресс. Астафьев – исключение. Кроме мощного писательского таланта, он обладал большим характером. Год назад в письме он написал, что правильно сделал, что уехал из Перми. На встрече писателей у Марголиной (встреча у вице-губернатора состоялась в начале июня с.г. – ред.) прозаик Владимир Соколовский сказал, что, вот тот уехал, этот уехал, и я тоже уеду. У Соколовского в портфеле два написанных романа. И, может быть, он никогда не увидит их опубликованными. Человек пишет в стол. Это трагедия. В последнее десятилетие город вступил в новые экономические условия. В данных условиях книжное издательство было обречено распасться. Сейчас культурным процессом управляют люди, получившие закалку в старое время. Тут говорили о том, что нужна инициатива, нужны проекты. Но либо ты должен писать проекты, либо заниматься литературой. Вот, прозаик Владимир Киршин. Сколько он времени тратит на писание проектов, а не на литературу? Я считаю, что пока в Перми не будет разработана культурная политика, у нас культуры, а, следовательно, и литературы не будет. Все пермские писатели, которым удалось себя реализовать, сделали это за пределами Перми. Пермь дорогу талантливым писателям закрывала, а Москва и Екатеринбург открывали. То же самое происходит и сейчас. Над Пермью навис колпак, который не дает ни наружу выйти, ни внутри него реализовываться.

Помимо этого было высказано мнение гостей из Москвы – "новомировских" прозаиков. Услышать мнение человека со стороны всегда интересно.

Михаил БУТОВ – писатель, член редколлегии "Нового мира" (Москва):

-Мне кажется, дело не во власти, пока не будет культурной среды, пока у людей не будет куража и желания что-либо издавать, осуществлять свои проекты, у вас ситуация не изменится. Ни от власти, ни от абстрактных бизнесменов ждать ничего не надо.

Сергей КОСТЫРКО – писатель (Москва):

-Говорить о периферийной литературе сейчас не стоит, потому что появился интернет. Мне совершенно не важно, где живет автор. Я не очень представляю, где живет Астафьев, знаю, что где-то в Сибири. С появлением интернета эта проблема вообще снимается. Пермским писателям нужно сделать свой веб-сайт, и выставлять там свои произведения. Интернет – это инкубационный период книги. Если вы выставляете там свою книгу, значит, её кто-нибудь прочитает, и, возможно, её кто-нибудь издаст.

Между тем, на круглом столе забыли о читателе. Не секрет, что сейчас наблюдается спад читательского интереса к серьезной литературе. Несколько лет назад во время встречи с читателями, проводимой в рамках литературных сред в Доме Смышляева фондом "Юрятин", московский прозаик Петр Алешковский был весьма удивлен тем, что на литературный (!) вечер собралось столько слушателей. Тогда он сказал, что в Москве и на Западе на литературные вечера собираются самое большее 20-30 человек. Теперь такая ситуация пришла и в провинцию.

Допустим, найдутся деньги, допустим, появится издательство, которое будет издавать пермских авторов, допустим, у нас будет не три-четыре, а десять периодических литературных журналов и альманахов, но есть в них у общества потребность?

Очевидно это тема другого круглого стола.

Георгий Ютов

Издатель славный

ЧТО НА ВЫХОДЕ?

В недавнем выпуске популярной передачи для книголюбов России "Графоман" (канал "Культура") один из гостей, редактор крупного московского журнала "Орион", сказал такую фразу: "Я понимаю, конечно, что в Перми поэтов больше, чем в Рязани..." Эту свою уверенность столичный писатель никак не аргументировал, ну, а мы добавили один вопрос для директора областного издательства "Книга" - вопрос про поэзию, конечно. Оказалось, поэтических сборников на выходе как раз и нет. Но есть другое. Рассказывает директор издательства "Книга" Геннадий ЯРОСЛАВЦЕВ:

-Мы выпускаем "Пермский лексикон" Владимира Михайлюка, это будет издание "обо всем пермском", почти энциклопедия, написанная в увлекательном жанре. На выходе также книга журналистки Татьяны Черновой "Превращения в лебедя" (встречи с балетом), "Сто портретов: кто правит миром", это проект по занимательной политологии.

В более отдаленной перспективе реальны такие издания, как новинки малоформатной серии "Пермский край" (при поддержке областной администрации), на очереди Чердынь и Кунгур. Ну, и готовится очередная "Оляпка", 11-я по счету.

Еще у нас в работе оригинальная книга "Орловский рысак", это о коневодстве...

При последнем названии у нас появилась одна литературная параллель. Издание про лошадок, безусловно, полезное, необходимое не только авторам и заказчикам, но и самому издательству, которое, как известно, переживает трудные времена. Как тут не вспомнить поэта Вадима Шершеневича, у которого сборник лирики "Лошадь как лошадь" был отправлен неграмотным начальником... в деревню, в качестве руководства для конюхов.

Вечные ценности

ГДЕ ТЫ, ПРОРОК ДАНИИЛ?..

(Мысли, навеянные картиной Николая Зарубина "СУСАННА И СТАРЦЫ").

Для обывателя упоминание Сусанны – прежде всего история греха и стойкости, история постыдного дела о том, как красота одной почтенной жены прельстила двух старцев, как похоть развратила, разожгла их сердца.

У Зарубина главный акцент – совсем на другом. Перед *нами – прелюдия песни о том, "как спасена была кровь невинная"* (Пророк Даниил). Художник воссоздал не ауру сладострастия, но – поклонения женской красоте, женского тела. Можно сказать, это -"Песнь песен" Николая Зарубина, но не источающая жаркие чувства влюбленных, нет, это аналитическая поэма, остановленная, зафиксированная творцом в один из самых решающих моментов, когда "все впереди". Картина написана в холодноватых сине-зеленовато-голубых тонах, сдерживающих атаку чувственности.

Что мы знаем о Сусанне? Что она была "очень нежна и красива лицом", что была очень богобоязненна. Все. На картине Сусанна возлежит на простынях, спящая, она словно парит на белом облаке. Чары ее лучше всего способны передать опять же библейские стихи: "...округление бедер твоих, как ожерелье, дело искусного художника... живот твой – круглая чаша..." Это тело женщины, уже рождавшей новую жизнь. Томительная музыкальность плавных линий, ритм округлых форм передают восхищение творца. Возвышенный образ, один из лучших женских образов Зарубина. (И как он отличается от других художников XX века, избиравших темой тот же библейский миф, как правило, из-за его "крутого эротизма").

А что же наши похотливые старцы в ранге судей-клятвопреступников? Их не сразу и найдешь на картине. Они – в левом, "сатанинском" нижнем углу, там для них уже приоткрылась, разверзлась темная, почти фиолетовая бездна. Без –дна. В создании образа старого прелюбодея, с обнаженным черепом, художником использованы даже не свойственные ему сатирические краски, при желании можно увидеть и фаллический символ. И в самом деле, что может быть противнее человека, осквернившего возраст не дурным поступком даже, но дурной мыслью...

Они еще не знают, эти старцы, что вскоре явится пророк Даниил, и проведет свой следственный эксперимент, и обличит их во лжи. (Где ты, Даниил, сегодня, почему не являешься сирым, почему забыл нас?) А зарубинская Сусанна, спящая невинным сном младенца, что-то уже знает о грядущих испытаниях, она уронила пророческую слезинку...

Мысль самого автора картины занимала двойственная природа женского тела. С одной стороны, - говорит Н. Зарубин, - в нем отражена красота, она господствует над воображением мужчины. А с другой, – это вожделенная "территория", над которой мужчина хочет господствовать сам (оценка себя со стороны). Проблема старчества в том, что человек уже задумывается (должен задумываться!) о вечном... а тело его еще живо и обуреваемо страстями. Руки старцев (напоминающие хтонические чудовища) тянутся к молодому телу как будто из-под земли. Для усиления драматичности этого состояния художник применяет в другом варианте картины и более напряженный колорит (бордо)...

(Фрагмент взят из каталога, подготовленного к печати Дмитрием и Людмилой Зарубиными).

На снимках: художник Николай Зарубин останется для ценителей таинственным и притягательным "НЗ" (репродукции с картин "Неожиданный сон. Автопортрет ", "Сусанна и старцы").

ФРАНЦУЗСКИЙ ПЛЕННИК

Строчка из энциклопедии:
Корбелецкий Фёдор Иванович (1775, Чернигов – 1837, Пермь) – поэт, мемуарист, переводчик.

Судьба его была трагична: последние годы своей жизни он провёл в Пермском тюремном замке, где и умер до окончания следствия.

Расскажем всё по порядку.

В чине коллежского асессора он служил в Департаменте государственных имуществ Министерства финансов в Петербурге. 19 августа 1812 года его командировали в Москву и Калугу для принятия срочных мер в связи с приближением французской армии к Москве. Но под Можайском польские уланы схватили его и доставили в "главную квартиру" французских войск.

После допроса он был представлен самому Наполеону, который распорядился оставить пленного при главном штабе в качестве переводчика и проводника по Москве. Ему приходилось сопровождать даже самого императора в его прогулках по Москве и давать необходимые пояснения.

Почти месяц петербургский чиновник находился в свите Бонапарта и внушил доверие французам: ему выдали пропуск для свободного хождения по городу, с которым он благополучно бежал из Москвы.

В Петербурге его обвинили в предательстве и заточили в Шлиссельбургскую крепость. Следствие длилось недолго: уже в феврале 1813 года он был оправдан Сенатом, как лицо, "привлечённое по одному подозрению", восстановлен в чине и должности.

В крепости Корбелецкий написал мемуарную повесть "Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании их в оной" (СПб, 1813). Автор оказался свидетелем московского пожара, репрессий неприятеля по отношению к местным жителям, мародёрства французов. Обо всём этом он поведал в своих воспоминаниях, призывая русскую армию к скорейшему разгрому врага. Известно письмо Корбелецкого от 6 февраля 1814 года к атаману М.И. Платову, в котором он предлагает своеобразную помощь "для истребления от лица земли ненавистного всему роду человеческому властелина Франции..." К письму были приложены 50 экземпляров им самим рисованных портретов для опознания его передовыми войсками.

Любопытно в книге Корбелецкого описание психического состояния Наполеона, когда он узнаёт, что в Москве нет ни русской армии, ни жителей.

"... Таковая нечаянная весть, казалось, поразила Наполеона, как громовым ударом. Он приведен был ею в чрезвычайное изумление, мгновенно произведшее в нём некоторый род исступления или забвения самого себя. Равные и покойные шаги его в ту же минуту переменяются на скорые и беспорядочные. Он оглядывается в разные стороны, оправляется, останавливается, трясётся, цепенеет, щиплет себя за нос, снимает с руки перчатку и опять надевает, выдёргивает из кармана платок, мнёт его в руках и, как бы ошибочно кладёт в другой карман; потом снова вынимает и снова кладёт; далее, сдёрнув опять с руки перчатку, надевает оную торопливо и повторяет тоже несколько раз, короче сказать: он представлял тогда человека беснующегося или мучимого жестокими конвульсиями, что продолжалось битый час; и во всё то время окружавшие его генералы стояли перед ним неподвижно, как бездушные истуканы, и ни один из низ не смел пошевелиться..."

По мнению историка А.И. Михайловского-Данилевского, сведения Корбелецкого о Наполеоне уникальны – "единственный в некотором отношении источник".

В 1818 году Корбелецкий вышел по болезни в отставку, а в 1813 году оказался в Кунгуре в должности второго члена межевой конторы.

В это время он готовил второе издание своей книги в более подробном изложении. Но замысел не был осуществлен.

В марте 1833 года Корбелецкий "от должности за противозаконные дерзкие и буйные поступки удалён с преданием суду и содержанием в тюремном замке". В послужном списке, откуда взята эта формулировка, не раскрывается характер его "дерзких и буйных поступков", но о них можно догадываться, обратившись к письму Корбелецкого к Фёдору Глинке: "...сейчас, служа по несчастью с сотрудником, первым членом той же межевой конторы, Прутковским, человеком неблагонамеренным, злобным и мстительным, пью горькую чашу тяжких угнетений по службе..."

"Тяжкие угнетения" Корбелецкого по службе, видимо, спровоцировали его ответные действия, квалифицированные, как "дерзкие и буйные". Короче говоря, Корбелецкий крепко побил (если не убил) своего начальника. Поэтому дело это тянулось четыре года и оборвалось в связи со смертью подследственного...

Дмитрий Красноперов

"...И НИКОГО НЕ ПРОДАЮТ"

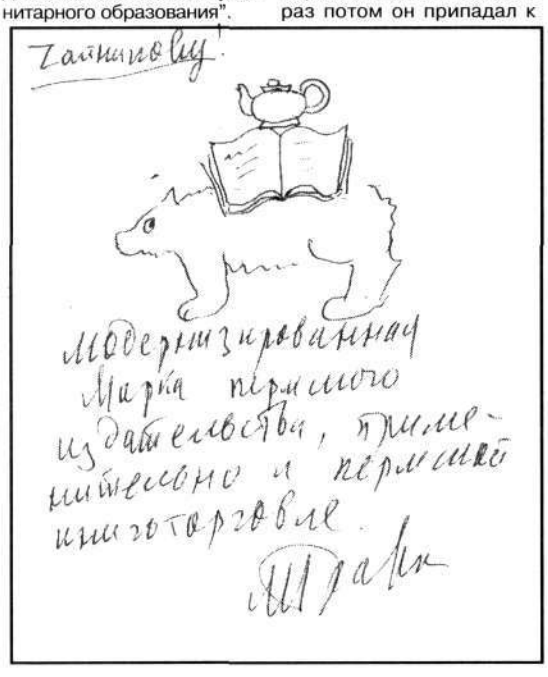
Когда случается, а это происходит очень не часто, заполнять анкету, в графу "образование" так и тянет вписать – букинистическое. Одно сдерживает: те, кому анкета нужна, не поймут, не поверят.

Между тем, если это и шутка, то лишь на четверть.

На излёте оттепели, даже, пожалуй, в разгар её, вдруг возникло острое ощущение недостаточности полученных ранее знаний. Стало видно: "официальные источники", прежде пополнившие наши представления о мире, обществе и человеке, оказались рассадниками чепухи. Оттепель девальвировала целые обширные разделы так называемого "гуманитарного образования".

Это – середина шестидесятых годов, очень похожая на наше нынешнее, опять переходное время...

А когда как-то в начале семидесятых я зашёл домой ко Льву Ивановичу Давыдычеву, он был занят потрошением старых журналов закончившейся оттепели, с треском выдирал из них публикации Лакшина, Карякина, Солженицына, Троепольского, Эфроимсона, Твардовского, Некрасова и других. Всё это сортировалось, складывалось в стопки, позже было переплетено...Так писателем готовились "кислородные подушки" для предстоящего периода застоя. Сколько раз потом он припадал к



В эту пору наряду с официальными гуманитарными знаниями получили хождение и... собственно знания. Правда, приобщиться к ним можно было лишь через самообразование. Право на дипломы такие знания не давали. Приобретение их не поощрялось, даже напротив – преследовалось.

Когда архитекторы застоя принялись сворачивать голову оттепели, и тошнотворная официальщина с многократно усиленной энергией полезла обратно – дышать вообще стало нечем.

ним, ради "глотка воспоминаний" о недолгой свободе, на периферию, кстати, так и не дошедшей.

В это время в букинистическом магазине в Перми, том, что на Комсомольском проспекте, начались сходки пермской интеллигенции. Людей потянуло "к кислороду" – к старой книге, да и к общению друг с другом. Так тянет людей, попавших в общую беду, друг к другу. Во всяком случае, на первом этапе беды.

Букинистический магазинчик маленький, ещё меньше задняя комнатка, где принимаются книги у населения и куда в конце рабочего дня заглядывали *поговорить с директором* магазина Владимиром Михайловичем Чайниковым и друг с другом священнослужитель отец Владимир, в миру Жохов. Он был в товарищеских отношениях с художником Глазуновым, тогдашней восходящей звездой, от выставки его картин, предложенной В.П. Жоховым, взявшемся быть посредником между художником и Пермью, идеологические службы области панически открестились. Также приходили сюда, ища общения, энергетик, проектировщик, два пилота и два хирурга, художники, журналисты, писатели...- Захаживали изредка актёры, тенор из оперного театра. Были среди завсегдатаев милиционеры. Компания пёстрая, но дружная.

Случалось, из портфеля посетителя извлекалась *бутылка вина, тогда после* семи вечера дверь в заднюю комнату закрывалась и заседание продолжалось долго, пока не уставали от разговоров, от песен Окуджавы, от свежих анекдотов, а порой и от стихов. Характерная деталь: когда Лев Иванович Давыдычев закончил повесть "Руки вверх, или враг № 1", свеженькую, едва с машинки рукопись принёс сюда, друзьям – букинистам на прочтение и критику...

Было ясно: такое не может продолжаться долго. В предчувствии этого как-то я предложил Чайникову завести что-то вроде "Записной книжки" клуба "У Чайникова", для автографов посетителей, когда на них "стих найдёт", чтобы было потом что вспомнить. Книжка была заведена.

С печальной точностью характеризуя клуб, поэт Николай Домовитов 14 января 1970 года вписал в неё импровизацию:

Дни жизни нашей
быстро тают,
Мы ищем призрачный
уют,
Где только книги
покупают
И никого не продают.

Лев Кузьмин так выразил свои впечатления от клуба:

Я был в такой лавке,
Я был в такой давке,
Которой и чёрт
поклонится,
Которая навсегда
запомнится.

Борис Ширшов:

Пришёл на рифму
аппетит:
Пусть Чайников всегда
энергией кипит!

Как много в импровизациях на страницах записной книжки печали. Вот Владимир Радкевич:

ВОЛОДЯ – ВОЛОДЕ!

Мы жить могли б куда
полезнее!
Но каждый в жизни
бестолков...
А Жизнь, в отличье
от Поэзии,
Не признаёт черновиков!

Радкевичу самому пришлось вскоре убедиться в этом на примере своей собственной жизни.

Есть на страницах книжки и Алексей Решетов, и Ваня Байгулов, написавший: "Ребята, я вас люблю, ядрёна вошь, тудыть вашу лапоть", и Иван Зырянов с непечатным фольклором.

Гости наезжие тоже *оставили следы: поэты из* Прибалтики, например, Борис Примеров, тогда он ещё жил, кажется в Волгограде, свердловчанин Леонид Шкавро, из Читы Михаил Вишняков. Бывший пермяк, ставший костромичём, юморист Виталий Пашин, в одном из наездов в Пермь записал: "Всегда готов зайти я в этот дом, чтоб книгу... прихватить притом!"

Даже болгарская эстрадная певица Стоянна Николова оставила свой "прочувственный" след в записной книжке.

Между тем обстановка вокруг букинистов мало-помалу наэлектризовывалась. В период активного удушения "самородной" общественной жизни Перми существование компании, собиравшейся в задней комнате букинистического магазина, выглядело как вызов. Конечно, сходки сами по себе не могли стать поводом к разгону компании. Как-никак, имена лиц, заглядывавших сюда, всем известные. Особенно в Перми. А вот выпиваемое иногда здесь вино – другое дело... Хотя тогда и на каждом официальном активе лилось оно рекой, куда более "кубатурной", чем здесь. Но вот как раз вино-то и стало всё больше и больше выпячиваться на первый план заинтересованными в разгоне лицами. В день рождения Чайникова, пришедший поздравить его Радкевич с явным, рассчитанным на понимающую улыбку преувеличением, написал:

О, Чайников!
Ты так велик...
Что здесь, блуждая
между книг,
Мы не умрём от жажды!

Но начальство не улыбалось, не шутило и шуток не принимало. Нарочито преувеличенное представление о будто бы активных винопитиях, происходящих здесь, и стало причиной ухода Чайникова из магазина.

Это был распространённый в ту пору приём... Так разделывались со многими неугодными...По методу: не хочешь уходить сам, выбросим за спаивание коллектива, да так выбросим, что и на том свете работы не найдёшь!

Вот так и клуб "У Чайникова" распался. Это сообщество было против правил воцарившейся тотальной заорганизованности во всём. Заорганизованности до удушья, до рвоты...

Дмитрий Ризов.

На снимке: автограф старейшины пермских писателей Льва Правдина.

Издатель славный... ЧТО НА ВЫХОДЕ ?

Генеральный директор издательства "Раритет-Пермь" Сергей БАРКОВ:

-У нас на выходе "Туризм в Пермской области", это уже третья книга серии (ранее вышли по охоте и по рыбалке). Владимир Кадочников и Александр Корабельников написали книгу о пермском ОМОНе "Не славы желаем вам", это и трагедия, и история... Кроме того в работе "Книги памяти", ряд заказных изданий.

Кстати!

Готовится к печати сборник эпиграмм и дружеских шаржей, сочиненных В. Радкевичем. Владимир Ильич много порезвился в этом жанре!

Фонд социальных программ Свердловского района и Пермская организация Союза писателей обращаются ко всем, кого нечаянно (или чаянно) одарил шаржем поэт, прислать эти творения в правление Союза писателей.

"АМЕРИКАНЦЫ ДЕЛАЮТ ТО ЖЕ САМОЕ!"

Памятник Эйнштейну, Вашингтон.

"Мы на правильном пути", - такой вывод сделала директор пермского Дома книги (магазин "Библиосфера" на ул. Горького, 51) **Н.Б. Петухова,** побывав в этом году на учебе в США. Наш корреспондент встретился с Натальей Борисовной и поинтересовался, что позволило ей сделать такой вывод, и в чем он заключается, этот самый "единственно правильный" путь.

-Право на поездку я получила, выиграв грант "Деловые женщины Урала". Наша группа ездила по приглашению Госдепартамента США, и было нас всего одиннадцать человек, одиннадцать представительниц бизнеса, малого и среднего, тех, кто уже что-то сумел сделать в жизни. Нас обучали тому, как вести бизнес, как строить взаимоотношения с коллективом, с партнерами и т.д.

В общем, учились, как женщине твердо стоять на своих ногах, не зависеть ни от государства, ни от мужчин (наша собеседница смеется).

Книжный бизнес представляла только я, и, естественно, после обязательной программы обучения я много времени проводила в книжных магазинах Вашингтона, Филадельфии, Нью-Йорка. Мне повезло: гид наш оказался тоже страшенным книголюбом, и как только объявляли отдых, мы с ним летели в книжные магазины. В Америке есть две крупные фирмы, две книжные империи. В одной, "Бэрнс энд Нобль" – порядка 900 магазинов, в другой, "Бордэс" - около 600. И эта сеть раскинута по всей Америке. "Библиосфера" тоже - сеть магазинов, в России их 12, в Перми – 2. По этому пути идет и вся Европа.

Технология книготорговли в сети – сложный и тонкий процесс, здесь все важно, и подбор книг, и установка стеллажей, и большой ассортимент. Для себя я сделала главный вывод: практически все, что увидела ценного, интересного, мы делаем у себя в Перми, то есть, мы - на правильном пути. Это и работа по принципу магазин-клуб, и организация укрупненных отделов, и гибкая система поощрения самых активных покупателей, и кафе (которое, надеюсь, у нас тоже скоро появится). Надо отдать должное, американские коллеги очень активно работают с читателями.

Я взяла план работы одного магазина на месяц...вот темы мая: "Весенний фестиваль"; "Что нового во всемирной истории?"; "Введение в права животных" (!); "История и архитектура" (с экскурсией по городу); "Книга против всех неравенств"; "Обсуждение классики"; "Жизнь евреев в литературе"; "Музыка в кафе".... Для детской аудитории - специальные программы: "Мамин день", "День сказки", "День объятий: познакомимся поближе!", "Время истории с высоты воздушного шара"... Очень насыщенная программа!

У нас в "Библиосфере" тоже проходят встречи с читателями, презентации, обсуждения новинок, например, изданий Пермской художественной галереи, романа Владимира Белобородова, книг по краеведению Владимира Гладышева, поэтических произведений Александра Володеева, известного актера нашего ТЮЗа... Для любителей фантастики был организован даже фестиваль.

Когда я пришла сюда работать, то сразу сказала: это должен быть центр культурного общения, а не просто торговая точка. И мне было очень приятно убедиться, что в Америке делают фактически то же самое.

-И все же чего-то еще нет у нас по сравнению с американцами?

-Очень домашняя обстановка в магазинах, просто завидно по-хорошему! Жители соседних домов отмечают даже дни рождения, какие-то даты в книжных кафэшках. Сама обстановка в магазинах располагающая, уютная: мягкая мебель, столики, ковры. Не раз видела, как молодежь садится прямо на пол, и работает с книжкой , с ноутбуком. Вы знаете, я сняла небольшой фильм в одном из магазинов, хотя запрещено, считается коммерческой тайной...

-Ага, значит, нарушили американские законы?

-Ну, что поделать, если мне надо все для работы. Эти фирмы очень давно существуют, у них огромный опыт, в отличие от нас.

-Наталья Борисовна, русских писателей там еще читают, продают?

-В основном это классика, конечно. Книги Чехова, Достоевского, Льва Толстого... Красиво, добротно изданные, не какие-то там *карманные сокращенные варианты*. Из современных возник спрос в последнее время на детективы Бориса Акунина (его хорошо "раскручивают"!)*.

Да, очень много книг по истории вообще и по российской в частности.

У самой Натальи Борисовны любимый отдел в "Библиосфере" - по истории (что, наверное, не удивительно для человека с богатым генеалогическим древом, в котором есть и ветвь знаменитых Демидовых).

- Книги в штатах дорогие, конечно. Я сама хотела купить два хороших издания по дизайну и ушла ни с чем, все же 40 долларов и больше за книгу – для меня многовато. Хотя есть и дешевые издания, рассчитанные на студенчество, школьников.

Чего еще у нас нет, так это своего журнала о новинках, тамошние фирмы могут позволить себе их выпуск, это большое подспорье в работе с книгой. Еще одна деталь: на книгах не ставится тираж. Оказывается, это тоже коммерческая тайна...

**Информация к размышлению: А вот ведущий популярной телепрограммы "Графоман" А. Шаталов один из своих летних выпусков завершил "коронным" жестом: выкинул в корзину очередную халтуру, на сей раз того самого чересчур "раскрученного" Б. Акунина в мягкой обложке. Комментарий был такой: "Интеллигентный человек это в руки не возьмет".*

Взгляд со стороны

НАМ ЭТО НАДО?

На исходе весны я получил долгожданный подарок – немецкую газету для Перми. Называется издание "ПЕРМания", №1, заявленный тираж 500 экземпляров. Редактор, издатель и автор большинства публикаций – Инес ВОЛЬТЕР. *Она изучает журналистику в университете Лейпцига.* Около полугода работала в Перми в качестве волонтера, рассказывала (и письменно, и устно) о том, как организована альтернативная гражданская служба в Германии. И кроме всего – готовила выпуск "своей" газеты. Для Инес это была сверхзадача.

В общем, тематика первого номера совпадает с той, что составляла содержание обменных пермско-немецких полос, появлявшихся в пермской газете "МВ-Культура". Но эта газета давно не появлялась, и вот словно на смену ей Инес выпускает свою. Свято место, как говорится...

Впечатления от нашего города у молодой журналистки, как выяснилось, остались очень разнообразные и далеко не всегда лестные для пермяков. В одном из своих материалов Инес Вольтер написала: "Создается впечатление, что я в городе вахтеров, охранников и зарешеченных окон. Действительно ли вам это так нужно? Даже я чувствую себя как преступник, *когда мне каждый раз надо показывать сумку...*"

Действительно: нам это надо?..

Владимир Сборовский

"Не всегда говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь".

Этот афоризм украсил новое немецко-пермское издание. Фамилия немецкого Козьмы Пруткова – Маттиас Клаудис.

Редактор "ПЕРМании" Инес Вольтер знает, что говорит. А говорит она в "передовице" своей газеты вот что:

"Дорогие читатели!

Точнехонько в начале нового тысячелетия увидела свет ПЕРМания – коктейль из немецкой информации, на немецком и о немецком и одновременно – взгляд на Пермь. Будучи студенткой из Лейпцига я хотела познакомиться с настоящей русской жизнью за полгода. Что меня поразило у вас в первую очередь – как много людей хотят изучать немецкий язык, говорить на нем. Для вас это комплимент, поскольку лично для меня оказалось очень трудной задачей расширить свои скудные познания русского языка.

Для того, чтобы обеспечивать вас информацией о Германии, и существует теперь эта газета. Потребность в ней есть, в чем убедилась, побывав в последнюю четверть года во многих школах, университетах и организациях Перми. Колонка с представлением о проявлениях всех немецких предпринимателей в вашем регионе, поможет вам составить мнение об экономических,хозяйственных контактах. Наконец, нужно также знать, для чего изучают язык.

Почему люди отваживаются на поездки в далекую Россию, какой опыт они добывают здесь для себя – обо всем этом мы также будем "раскапывать" для вас информацию.

Название газеты однако обещает и то, что в центре внимания будет не обязательно Германия, но прежде всего это Пермь глазами иностранцев. Вам же интересно, как оценивают здесь, в Германии, вашу жизнь. Лично я нахожу, что жизнь ваша необычайно изменчива, динамична, богата на приключения, а значит – не скучная! Находясь в России, я уже отвыкла планировать свою жизнь даже на день вперед, как в Германии. Я вся в ожидании: что принесет новый день, чем поразит, с какими людьми я познакомлюсь, что новенького я переживу – все, о чем в Германии я могу только мечтать".

Инес ВОЛЬТЕР

И БЕДА ОТСТУПАЛА

В Троице (Пермский район) приступают к реставрации Дома - музея поэта Василия Каменского.

С начала тридцатых годов любимым пристанищем для поэта стал живописный берег Сылвы. Он поселился здесь, в селе Троице, в бывшем поповском доме, к которому вскоре сделал замечательный пристрой, соорудил оранжерею, в которой сам выращивал цветы и диковинные растения.

В этом могучем человечище, непромокаемом энтузиасте так счастливо уживались многие таланты и пристрастия.

"Здесь и беда физического несчастья, - писал поэт в письме московскому редактору Т. Грицю, - не кажется страшной. Когда с тобой вся прелесть природы, все чудеса земли. Я уверен, например, что давно бы погиб со своими больными ногами, если бы я не жил именно здесь (да при этом безо всякого лечения живу, вдохновляясь лишь одной природой, будто пью молоко материнское)... Смотрю, и опять хорошо, жить можно, жить удивительно..."

Да только за эти строки, за неизбывную любовь поэта к уральской земле, которая сделала его песнебойцем, уральским полпредом в российской культуре, мы должны низко поклониться певцу Урала и Камы и превратить его земной очаг, его уральское гнездо в очаг культуры российского масштаба.

В доме поэта в Троице бывали многие известные деятели культуры: композиторы, артисты, писатели, поэты, журналисты и просто друзья. У каждого из них навсегда оставался в памяти этот домкорабль, еще при жизни поэта ставший своеобразным музеем. Все это хорошо описано С. Гинцем в его книге "Василий Каменский".

В 1984 году культурная общественность страны отметила 100 - летие со дня рождения поэта. И надо же: зимой того же года в его доме в Троице произошел пожар, уничтоживший большую часть экспозиции...

Несколько лет назад научными сотрудниками Пермского музея Н. Нохриной и Л. Стяжковой была разработана концепция Дома - музея поэта В. Каменского. Художниками Н. Обориным и М. Павлюкевичем выполнено оригинальное архитектурно - художественное решение будущей экспозиции, в свое время одобренное советом музея. Однако к созданию экспозиции работники музея практически не приступали...

Конечно, они вправе рассчитывать на содействие областной писательской организации, государственных архивов, департамента культуры и искусства.

В апреле этого года состоялось открытие литературной гостиной дома поэта. Кажется, тронулся лед и в его реставрации. Средства на эти цели выделены из областного бюджета. Но работы здесь - непочатый край. Поэтому музейным работникам, реставраторам не обойтись без помощи администрации Пермского района. Общественность Прикамья надеется, что глава администрации района А. Кузнецов окажетсодействие в возрождении Дома- музея В.Каменского - первого литературно - мемориального музея в Пермской области.

Достойно сожаления, что до сих пор нет литературного музея и в самой Перми - крупнейшем промышленном и культурном центре Урала. С нашим краем неразрывно связано творчество замечательных писателей Д. Мамина - Сибиряка, П. Мельникова- Печерского, Ф. Решетникова, М. Осоргина. В двадцатом веке на литературном небосклоне Урала зажглись такие звезды, как поэты Василий Каменский, Борис Ширшов, Алексей Домнин, Алексей Решетов, писатели Виктор Астафьев, Александр Спешилов, Михаил Голубков, Иван Байгулов...

Пермская писательская организация в разные годы предпринимала усилия по созданию в Перми литературного музея – безуспешно.

Дело это требует не только подвижничества от самих деятелей культуры, но и материальной поддержки, и доброй воли власть предержащих. Создание при администрации области совета по культуре, возглавил который губернатор Юрий Трутнев, уже хороший знак. Он вселяет надежду, что и мечта творческой интеллигенции Западного Урала о литературном музее сможет осуществиться.

Иван ЕЖИКОВ, краевед, член ученого совета Пермского областного краеведческого музея.

На снимках: портреты В.В. Каменского (рис. В.В. Маяковского и на месте захоронения урны поэта-авиатора в стене Новодевичьего некрополя).

ОТКУДА У ГРИНА НЕМЕСТНАЯ ГРУСТЬ

Все-таки есть правда на земле, есть какая-то справедливость. Думаю, многие вот с удовлетворением восприняли весть о присуждении в 2001 г. Л.Д. Постникову, этому "чусовскому Леонардо", мечтателю и затворнику, - областной премии в сфере культуры и искусства. Уважительный реверанс этот опытный тренер, создатель школы олимпийского резерва "Огонек" получил в данном случае "за организацию научно-исследовательских работ по важнейшим проблемам культуры и быта", конкретнее – за создание музея игрушки и музея литературных судеб...

На территории "Огонька", где уже был создан Постниковым музей реки Чусовой (его называли и музей Ермака), появился однажды и Александр Грин – это был вообще первый памятник романтику в полный рост (скульптор Г. Бокарев). "Прописался" здесь вечный бродяга, с мечтательной грустью во взоре, далеко не случайно.

- Грин, как известно, (читайте его "Автобиографическую повесть") бывал как раз в этих местах, - говорит Леонард Дмитриевич. - Искал золото, рубил лес, работал на чугуноплавильном доменном заводе.... Вот у нас есть чугунная скамейка из Кусьи, на ней, может, сидел, и будущий писатель. Достал я плиту интересную, с Пашийского завода, там он тоже работал. Удалось найти вещи, предметы быта, инструменты горнозаводских рабочих и старателей того времени...

Авантюристом был Грин. Авантюрная жилка всегда чувствовалась и в Постникове. Приходилось порой действовать и в обход некоторых бюрократических инструкций и уложений. А как иначе? - думаешь теперь. Иначе бы и не появился музей, которому завидуют пермяки. И которым гордятся уже. Кому – мечтать, а Постникову – действовать.

Около двух десятков литературных судеб связано с чусовским краем. В экспозиции представлено творчество А. Грина, В. Каменского, О. Селянкина, Ю. Беликова, Ю. Влодова. Имена Л. Бородина, Л. Тимофеева напоминают нам о существовавших поблизости пермских политзонах. Увидели мы и бюст Аркадия Гайдара, он тоже добирался до этих мест. (Прорывается в экспозицию и Чапаев-герой – дочь легендарного комдива, представьте, завещала свой архив Л.Д. Постникову – но это уже другая история).

Музей, конечно, не совсем обычный, немало "приколов", особенно занятно слушать самого Постникова в роли экскурсовода. Наверное, специалисты в чем-то и правы, когда говорят, что помощь хорошего консультанта здесь бы не помешала, но это все дело поправимое.

Давно хочет, знаю, Леонард Дмитриевич, открыть дом-музей Виктора Астафьева. Своего давнего друга, который не раз приезжал в гости к Постникову, отдохнуть, поработать. А избушка, где много лет жил после войны писатель, ныне живой классик (и, между прочим, Герой Социалистического труда, один из последних!) сохранилась, только она не в самом "Огоньке", а на окраине Чусового.

Не хватило сил, средств Постникову на музей Астафьева, так он что выкинул опять: прямо к проезжей дороге "вывел" часть экспозиции, выставив "для приманки" астафьевский портрет (известную работу Е. Широкова, ныне в собрании ГТГ). Жест отчаяния, ну, да, а что делать? Время дорого!

И долго стоял портрет, как новый дорожный знак...

...Весь комплекс, созданный стараниями почетного гражданина Чусового, заслуженного работника культуры Л.Д. Постникова и его единомышленников и помощников (среди них и члены семьи, что очень обнадеживает) вполне заслуживает того, чтобы быть включенным в число объектов туристического Серебряного кольца.

Владимир ГЛАДЫШЕВ

Автограф

В Коми-Пермяцком окружном музее обнаружена редкая книга – один из томов "Пермской летописи" В.Н. Шишонко с автографом автора, врача и краеведа, директора Пермских народных училищ, действительного статского советника. В свое время за выпуск этого семитомного труда, своего главного дела жизни, Василий Никифорович был удостоен Большой Серебряной медали на научно-промышленной выставке 1887 г. Надпись на книге такая: "Для библиотеки Николая Мильевича Аничкова от автора. Василий Шишонко, 1886 г. 12 мая, г. Пермь".

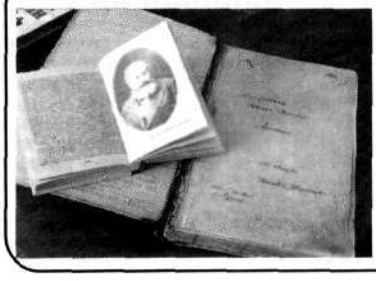


Фото Игоря Катаева

Как нам написать историю Перми?

"Перми посчастливилось по части истории края..." И хотя эти слова сказаны Д. Н. Маминым-Сибиряком более сотни лет назад, кто из пермских краеведов не повторяет их с упоением сегодня? Они согревают сердце, поощряя благодушное настроение, что с историей Перми у нас все в порядке.

О Перми действительно написано и пишется очень много, начиная с последней четверти XVIII в., с записей Гавриила Сапожникова, и до творений сегодняшнего дня. Здесь и большое число летописей, как общеизвестных, так и неопубликованных, и очерков по истории города, и красочных альбомов, и вездесущих путеводителей, и монографий, посвященных истории учебных заведений, предприятий, библиотек и прочего, и тезисов докладов на конференциях, и многочисленных статей в сборниках и периодике... Всего не перечислишь.

Названия многих сулят нечто фундаментальное, обобщающее, охватывающее весь период развития города. Например: "Губернский город Пермь" (1887), "Город Пермь, его прошлое и настоящее" (1913, В. С. Верховланцев), "Город мой Пермь" (1973, В. М. Михайлюк), "250 лет Перми" (1973, Материалы научной конференции), "Пермь от основания до наших дней" (2000) и др.

Порою это очень интересные и ценные издания, но названия их значительно перекрывают содержание. А содержание это либо предельно кратко, либо по изначальной идее фрагментарно. Авторы и не претендуют на роль воссоздателей всего жизненного пути города. Движения хронологически-повествовательного, неторопливого, непрерывающегося мы здесь не увидим.

Так что история Перми не написана до сих пор. Единственной попыткой, скромно названной "Очерки из истории губернского города Перми" было творение многочтимого пермского историка А. А. Дмитриева, к сожалению, доведенное лишь до 1845 г.

Почему же при столь глубоких корнях и давних традициях пермского краеведения, при огромном количестве замечательных кадров мы не имеем полной, подробной, правдивой, объективной, многотомной истории города, написанной с любовью к нему и почтением? Вопрос слишком сложный, чтобы ответить на него исчерпывающе, но некоторые причины попытаемся все же назвать.

- Как это ни парадоксально, мы плохо пишем потому, что очень хорошо писали до нас. Некий нимб, сооруженный нами же вокруг чела крупнейших пермских краеведов прошлого, действительно заслуживающих всяческого уважения, мешает нам встать рядом с ними и уж тем более хотя бы попытаться сделать что-то лучше их.

- Еще один парадокс. Наше краеведение не может добиться впечатляющих успехов потому, что оно ... слишком научно. Большинство сегодняшних краеведческих публикаций и выступлений на местных форумах - это публикации и выступления научных работников. Как правило, их изыскания глубоки, приводимые факты достоверны, поднимаемые проблемы весомы... Но настоящий работник науки всегда копает вглубь и крайне редко - вширь. Его интересует определенный объект, определенное время, определенная ситуация. Кроме того, форма подачи материала, логика, язык, стиль научного труда далеко не всегда бывают доступны, а значит интересны широкому читателю.

- И в то же время наше краеведение не может осуществить значительные замыслы потому, что оно крайне ненаучно. Пренебрежение к первоисточникам, отсутствие элементарной культуры мышления, чудовищное количество ошибок, стремление немедленно опубликовать обнаруженный факт, известный всем и каждому, кроме самого "первопроходца", лингвистическая, библиографическая и прочая неграмотность многих наших краеведов, подкрепляемая непрофессионализмом некоторых наших издателей и редакторов, приводит к печальным результатам.

- Наша врожденная заидеологизированность также мешает нам создавать достойные произведения. В данном случае используется настоящее время - "мешает", ибо из одной крайности мы шарахнулись в другую. Прошло время спецхранов и спецфондов, когда о существовании многих документов и изданий мы даже не догадывались. Сегодня можно написать историю города, где будут присутствовать в качестве положительных героев губернаторы и епископы, жандармы и представители царской фамилии, посетившие Пермь... Где церкви и соборы будут фигурировать не только как произведения архитектуры, а духовное училище и семинария не только как место, где обучались наши известные земляки. Но, с другой стороны, со страниц наших творений исчезают революционеры-демократы, народники, большевики, коммунисты и даже писатели, звавшие Русь к топору, со всем, что доброго и значительного было ими сделано.

- С вышесказанным связан и наш обычный подход к описанию города. Это прежде всего центр политической жизни и промышленный центр. Все остальное либо малозначительно, либо вообще нежелательно. А ведь без каких-то мелких деталей, живых человеческих подробностей получается мертвая схема, а не живой организм - город, который рождается, развивается, болеет, старится, умирает. Как писали старые краеведы, надо рассматривать город как "своеобразное живое существо, восстанавливать постоянно тяжесть его, плоть, лицо и душу".

- Но можно ли образ живого существа создавать коллективно? Мы собираем для написания очередного труда многоликие творческие коллективы, члены которых далеко не одинаково профессиональны, умны, талантливы, трудолюбивы. И когда каждый из этого обширного коллектива пишет свою, удачную или неудачную страницу, получается разноголосица, никак не складывающаяся в единое целое. Историю города от начала до конца должен писать один человек, как писали в свое время историю России Татищев, Щербатов, Карамзин и другие. Конечно, одному нельзя объять необъятное. И не надо. Другой автор напишет свою историю и заполнит лакуны, пропущенные первым. За ними последуют третий, четвертый, пятый... Историй должно быть много, хороших и разных.

- Мы не могли до недавнего времени написать подробную историю города, ибо всегда были ограничены числом выделяемых нам авторских листов. А история должна быть неторопливой, обстоятельной и дотошной. И писаться поэтапно: том за томом. Правда, сейчас очень мешают ограничения иного плана - материальные. Хотя и было сказано на одних Смышляевских чтениях, что краеведческие труды - это очень ценный товар.

- Нам очень мешает наша разобщенность, наше взаимное недружелюбие. Как Д. Д. Смышляев вытягивал из не очень грамотного А. Н. Зырянова его статьи, по существу дописывая их за него! Как заботились о наследии Ф. А. Прядильщикова И. В. Вологдин и А. А. Дмитриев! А мы радуемся чужим ошибкам и неудачам, огорчаемся из-за чужого успеха...

Трудно в двух словах сказать, какой же должна быть история нашего города. Конечно же, подробной, неторопливой, правдивой, честной, достаточной научной и в то же время живой, занимательной. В ней непременно должны присутствовать не массы, а конкретные люди с их делами и помыслами... И очень много достаточно обширных цитат (из дневников, мемуаров, писем, официальных документов и прочего) - они передают колорит эпохи, особенности языка и быта. Нужны бытовые детали: из чего строили дома, как одевались, на чем ездили... И при этом никакой отсебятины, все строго на документальной основе.

А вот что требуется от автора, чтобы такую историю написать, - это разговор особый.

Н.Ф. Аверина,
кандидат
филологических
наук.

БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ И ГРУСТНЫЙ АНЕКДОТ

(Исповедь Букеровского номинанта)

Какая странная жизнь! Включаем телевизор, приемник - и узнаем, как она протекает в столицах; редко-редко что-то из провинциальной жизни, из ряда вон выходящее. А Россия велика - и то, что здесь творится, в столицах неизвестно. Жизнь здесь глухая, замороченная, полная недомолвок и странных вещей.

Когда издательство знаменитое наше кануло в Лету, в итоге почила огромная мощность, снабжавшая людей тиражами. Тиражами немалыми. Конечно, среди выходивших книг было много конъюнктурных, откровенно плохих, но издавались и хорошие авторы - Давыдычев, Решетов... Издавалась, хоть и меньшими тиражами, молодежь - разнородная, но для начинающих и их читателей был шанс разобраться, кто достоин остаться в литературе, а кто нет.

И вот - сложилась ситуация, когда прозаики и поэты утратили возможность и даже какую-то надежду увидеть свои тексты изданными.

Между тем, литература живет, она не может прекратиться. Что же происходит? Разнообразные частные мелкие издательства-однодневки печатают, а книготорговые фирмы продают книжки и книжицы, некоторые издаются на средства авторов - в подавляющем большинстве это откровенная халтура и графомания, другие находят спонсоров. Среди "литературных благодетелей" можно встретить много кого: и современных партийных функционеров разных мастей, и бандитов. Никто из них в литературе, естественно, не разбирается, преследует лишь свои собственные цели. Так что и этот поток изданий отнюдь не блещет качеством. А настоящие тексты между тем лежат в столах - и количество этих текстов, как мне кажется, превышает то, которое пребывало "в подполье" в советское время.

Издаться же провинциальному писателю в столице - не реально. Те московские издательства, которые "по разнарядке" печатали авторов "из глубинки", сейчас заняты выживанием, они даже не рассматривают рукописи, предпочитая чисто коммерческую литературу.

Есть, казалось бы, еще одна возможность: публиковаться в "толстых" журналах. Но, как известно, многие из них "погорели", да и при всем своем желании ни один из них не сможет взять на себя роль популяризатора провинциальной литературы - просто не хватит места на его страницах, недостаточно средств, чтобы рисковать, "раскручивая" новое имя. Как-то я послал в "Дружбу народов" свой роман "Уникум Потеряева" (благодаря которому я впоследствии стал номинантом Букеровской премии). Со мной и разговаривать не стали, сообщили только, что рукопись читать не будут, потому что она "слишком большая". Где настоящие столичные литературные редакторы прежних времен?! Увы, увы... Позвонил в другой журнал - там согласились послушать мое чтение первых нескольких абзацев. Стал читать - и на первой же фразе дама торжествующе сказала: "А почему вот тут нет занятой?" Я не понял сначала: "Как? Чего нет?" "В общем, все с вами ясно", - сказали мне и положили трубку...

Я - профессиональный писатель, член Союза с 1982 года. С начала 90-х годов моя проза не издавалась - свет смогли увидеть лишь книжки, имевшие для издателей коммерческий интерес - пересказы русских былин, "народный календарь" с приметами, собранные мною сборники сказок. То есть книги выходили и... не выходили. Дома лежит запланированный "Молодой гвардией", но не успевший выйти роман, написанный лет 10 назад, новый роман "Уникум Потеряева", большая рукопись "Криминальная история Пермской области". Ну, "Уникум" я напечатал в журнале "Урал" - и что дальше? Люди обсудили, послали его на Букеровскую премию. Я ее, понятное дело, не получил. Нет, я не страдаю особенно: мне говорили, что случай безнадежный... Но вот что интересно: Сергей Юрский, человек в жюри, как вы догадываетесь, авторитетный и значимый, назвал три произведения, которые могут, по его мнению, на эту премию претендовать. И - "Уникум" был в их числе. Может, все-таки он достоин издания? Но кто этим займется? Когда?..

В прежние, отнюдь не воспеваемые мною времена, издаваться писателям помогал Союз. Были какие-то рекомендации, обсуждения. К словам этим издательства прислушивались. Теперь оба Союза писателей существуют лишь номинально. Что они делают - вообще непонятно. А если Союзы бесполезны, то, может, они и не нужны вовсе? Тем более, что всегда крутятся в них люди, как правило, к литературе отношение имеющие весьма отдаленное, а то и не имеющие вовсе.

Вот и получается: "Благонамеренный и грустный анекдот: Какие мерины пасут теперь народ!"

Владимир Соколовский

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФИНИШ ВЕКА

ПОРТРЕТ В ДУХЕ МАЛЫХ ГОЛЛАНДЦЕВ

Пермская литература 90-х стала еще и историей литературы. Самое время оглянуться и попытаться очертить смысловые контуры маленькой революции, случившейся в большой Перми - революции, обратившей наше узкое пишуще-читающее сообщество к "текстам" и "дискурсу", постмодернистской иронии и возрожденному пафосу православности, к новым формам, наконец.

Я не могу да и не хочу быть летописцем, ведущим подробные погодные записи литературных событий: это всего лишь скромный газетный взгляд назад. Разумеется, мое внимание будет обусловлено моими пристрастиями (а иначе и не бывает), то есть будет избирательным. После этих оговорок я могу начать.

Начало 90-х отмечено в пермской литературе тектоническими сдвигами, преобразовавшими ее ландшафт. Вместо одной возвышенности, именовавшейся Союзом писателей и покрывавшей своей тенью всю разрешенную литературу, поднимаются новые структуры. Впрочем, и опускаются тоже: ситуация становится вулканически-пластичной, горячей. Как павлиний хвост, развертывается веер возможностей. Слово "низзя" временно утрачивает силу внушения и сим-сим открывает дверь. Долго это обычно не длится, но тем, кто попал в распахнутое время, всегда кажется, что твердый мир взорван бесповоротно.

С появлением нового расклада внутри литературного слова идет гражданская война - патриоты против новаторов. Первые понимают, что старая, партийная лексика давно мертва и смердит: теперь они пишут о Родине без Партии, о разрушенных церквях и поруганных святынях, об отроках и молодицах. Для некоторых из них, и прежде оставшихся чистыми лириками, это вполне органичная метаморфоза, а не конъюнктурный прием. В то же время именно старый Союз (сейчас их два) во многом оставался носителем риторико-идеологических традиций: поэзия и литература в целом должны воспитывать, убеждать, сеять разумное, доброе, вечное. Не буду утверждать, что это не так, хотя лично мне ближе представление о неангажированности литературы. Когда она что-то должна, о творческой спонтанности, о Тайне говорить уже не приходится. Чем больше мы говорим (а чаще кричим) о целях и задачах, тем дальше мы от литературы.

До начала 90-х тон в пермской литературе задавала трубящая идеологическая попса. Экзистенциально настроенные литераторы, такие, как Решетов, были на полулегальном положении. Провинциальные ходики, в сущности, стояли. Они пошли в 90-м, когда одновременно, в одной кассете, вышли книги задержанного (но, к счастью, не потерявшегося) поколения: "Аутсайдеры-2" Виталия Кальпиди, сборники Юрия Беликова, Ксении Гашевой, Владимира Лаврентьева, проза Владимира Киршина и Юрия Асланьяна (прошу прощения у тех, кого я, возможно, не упомянул).

На том же, необорванном дыхании прошла в 92-93-м серия КПП ("Классики пермской поэзии"). Правда, нескромно? По мне, здесь было больше поэтического самосознания и самоиронии, чем выпендрежа. Тайное - пермский литературный андерграунд - стало, наконец, явным.

В серии КПП увидели свет две первые книги Владислава Дрожащих, поэта до мозга костей, негромкого интроверта, виртуоза, перебирающего четки различных языков и стилей, но принадлежащего только себе, своему фонетическому и ассоциативному чутью. Идти по следу Дрожащих трудно, здесь нужно либо терпение, либо не связанная никакими "почему?" "зачем?" медитация. Предпочтительней второе.

В серии вышла книга стихов Юрия Власенко, задевшая меня неким внутренним соседством: "Его отпели, но ведь он. Всегда *отпетым был:. Когда глотал одеколон,/Когда* бычки курил,/Когда был прав и виноват,/На все узнав ответ. Когда вернулся он назад,/Насквозь пройдя сквозь свет..."

Здесь же вышли легкие, "перистые" и "кучевые" стихи безвременно ушедшего Димы Долматова. Вышел сборник "Общества детей капитана Лебядкина" (ОДЕКАЛ), авторов которого объединяла приверженность автоматическому письму дадаистов, а также абсурдизму и примитивистской остраненности обэриутов. Так что к середине 90-х корпус пермских поэтических текстов внушительно расширился, а главное, он стал нормально разнообразен.

Следующая интрига связана с двумя только что возникшими образованиями: челябинским фондом "Галерея", за которым стоял Виталий Кальпиди и пермским фондом "Юрятин", который возглавил Владимир Абашев. В 95-96-м под эгидой этих фондов вышли три выпуска процесс-журнала уральского региона "Несовременные записки". В 97-м вышел последний, четвертый выпуск "НЗ". Не знаю, может ли что-нибудь волновать литературную Пермь, но на этот раз ее слегка встряхнуло. Некоторые тексты "НЗ", а вслед за этим журнал в целом вызвали волну критики, перелившуюся за пределы собственно литературы. На мой взгляд, гомеопатическая доза скандала показана литературе, так в ее кровь выбрасывается адреналин. Еще важнее, что в "НЗ" пермские литераторы оказались "поверх барьеров" - вместе с екатеринбуржцами, челябинцами и нижнетагильцами. В пермском изоляте, в затягивающей его паутине времени были проделаны свежие ворота в большой мир. Возникает бродячий призрак уральской литературной республики.

Вторая половина 90-х: литературная ситуация не подстыла, не отвердела. Кальпиди выпускает две антологии - современной уральской прозы и поэзии, где хорошо представлены наши люди. В Перми "Юрятин" печатает новых поэтов: Владимира Котельникова, Григория Данского, Сергея Стаканова, Антона Колобянина (у всех это первые книги). Благодаря фонду появляется "Вся Пермь" Нины Горлановой, последняя тогда же попадает в число номинантов Букера (вместе с Вячеславом Букуром - какая, однако, перекличка. Рискну пошутить: если не Букер, то Букур у Нины Горлановой есть). А совсем недавно в одном магазинчике на Сибирской (как приятно звучит) вижу новую книгу Горлановой, изданную "Вагриусом", совершенно "фешенебельным" московским издательством. Вот если бы еще гонорар "фешенебельный" за это получить... Сегодня Нина Горланова - самый известный пермский писатель. Но даже она не в состоянии жить только литературным трудом. Писательство - роскошь, обратная сторона которой - нищета.

В последние два-три года, завершающие двадцатый век, появляется группа "Монарх" во главе с "наследником" Юрием Беликовым (помимо него туда входят прозаик Анатолий Субботин, поэты Александр Кузьмин, Валерий Абанькин, Дмитрий Банников, Елена Медведева и еще несколько человек). У них уже есть сборник.

Наконец, на самом переломе столетия, в 2000-м, появляются два альманаха. Один из них представляет "новую" литературу и соответственно альтернативный Союз писателей, возникший в те же 90-е. Название журнала - "Лабиринт". У него вызывающая, какая-то подростковая обложка, но вполне взрослое содержание.

Второй журнал - "Литературная Пермь" - орган старого Союза. Издан он попроще. Здесь - Федор Востриков, Анатолий Гребнев, Игорь Тюленев.

Наиболее удачливым из них в последнее десятилетие был Игорь Тюленев, добившийся достаточно широкой известности, в особенности среди "патриотически" настроенных читателей. Он печатался с завидной регулярностью. Несмотря на несколько навязчивую патетику в "русском стиле", в его стихах присутствует свободное поэтическое дыхание.

Из прозаиков "Литературной Перми" я запомнил Юрия Калашникова, автора жутковатого, кафкианского рассказа "Двенадцатое зеркало" и Татьяну Соколову, у которой вскоре выйдет сборник рассказов. От ее прозы у меня такое "достоевское" чувство, что Россий, по-прежнему, две: та, что сидит у "трубы" и та, что ниже уровня бедности. Татьяна Соколова пишет о последних как о первых, пишет "на уровне".

И еще одно имя - last not least - Дмитрий Ризов, страницы из книги "Ребра России" - гражданское негодование, уложенное в берега хорошего литературного языка, композиционно и интонационно уравновешенное лирической прозой. Эссеистика "Ребер" противится нашему, увы, традиционному холуйству, упирается, как грудная клетка: "Потому что к циклопическому разграблению родины мы давно были готовы повальным воровством по-мелкому... Вы у нас родину, а мы огурцы с грядки соседа. Вот и квиты... Потому что наш чиновник обречен рождать и лелеять контору - главный религиозный храм России... Потому что ныне власть - это то место, откуда нельзя выбраться с честью, туда можно только не влезать..."

Появление названных журналов делает литературную жизнь Перми более надежной и по-хорошему предсказуемой. Раскладывается новый пасьянс, несомненно, более интересный и разнообразный, чем прежний.

Хотя надо заметить, что литература снова становится организованной, одиночкам уже ничего не светит. Распахнутое время свертывается до размеров нормы.

Последним "словом" пермского литературного века стал альманах "Третья Пермь", - не хронологически последним (он вышел в 99-м), а по сути. Он знаменателен тем, что в нем мирно сосуществуют "старые" и "новые". Получилось "наше все", хотя некоторые в это "все" не попали. Альманах стал чем-то вроде сигнальной ракеты, приостановившей литературную междоусобицу. Корпоративный портрет в духе голландцев XVII в. Все стоят рядом, держа локти в ножнах.

Ну что же, это уже результат.

Вячеслав РАКОВ

Как будто сказано сегодня!

"О, Пермь, чудесная
ты Пермь,
Культурных полная
тревожностей,
Ты неожиданная вся –
поверь –
Вся преисполнена
возможностей...".

Василий КАМЕНСКИЙ

Евреи в Перми: есть ли будущее?

В прошлом году увидела свет книга Айзика Баргтейла "История еврейской общины Перми". Книга быстро нашла своего читателя – в том числе и в Израиле. Отклик на новинку, пришедший в Пермь из далекой Хайфы, мы публикуем сегодня (в сокращении).

"За тридевять земель, в горах Урала" – эта случайная строчка Симонова очень точно определяет расположение Перми по отношению к черте еврейской оседлости. Там, за чертой, евреи имели право жительства лишь в исключительных случаях, и одним из таких исключений была ссылка. Были среди ссыльных и политические, которые, как это вообще характерно для России, были носителями культуры. Одним из первых еврейских жителей Перми был декабрист Григорий Перетц, сосланный сюда после поражения восстания. В какой-то мере символично, что в самом начале своего существования еврейская Пермь оказалась связанной с важнейшим событием русской истории – восстанием декабристов, и с развитием еврейской жизни в России – отец декабриста, Абрам Перетц, был одним из первых маскилим (участником "хождения в народ") в России.

Вся история еврейской Перми, описываемая А. Баргтейлом, отражает как историю России, так и историю русского еврейства, и отражает не менее символически. Чем, как не ироническим символом, можно назвать проживание в Перми в 1840-х годах врача Александра (Израиля) Бланка, деда Ленина? (Далее автор пишет о фактах, "нарушающих (по крайней мере для меня) привычные стереотипы"). ...Привычно считать, что погромы, организованные по указанию царских властей после манифеста 17 октября 1905 года, прокатились по всей России. Но в Перми не только не было погрома – пермский губернатор запретил издание черносотенной газеты в Екатеринбурге (входящем в те годы в Пермскую губернию), а затем и в самой Перми.

Возникшая в 1990-х годах возможность возродить еврейскую жизнь в Перми пришла, наверное, слишком поздно. И хотя автор перечисляет многие действующие еврейские организации: общинный центр, лекторий, музыкальные ансамбли, благотворительное общество, заключает он свою книгу грустными словами: "История пермской еврейской общины близится к своему окончанию, но процесс этот растянется еще на несколько десятилетий". Тем ценнее исследование, воссоздающее по сохранившимся документам и воспоминаниям полуторастолетнюю историю еврейской Перми.

Д. Иоффе

От редакции: Думаем, с мрачным прогнозом автора не согласятся многие пермяки. Разговор требует продолжения.

ЗИГЗАГ В ЗЕМЛЮ

(ГИБЕЛЬ ПОЭТА)

Меня убила одна женщина, родственница известного профессора. Она позвонила в числе первых, когда моя скромная книжка, "Перми старинное зерцало", еще и не дошла до "массового читателя":

-Почему вы написали в своей книге, что у моего папы аристократическое имя?

-Ну, я так воспринимаю, имя же действительно редкое, - бормочу я в ответ, соображая, чем я мог обидеть потомка.

-Это обычное имя, вы знаете, что оно есть в православных святцах? – сурово вопрошала собеседница.

Имя было "Аристоклий". Я, конечно, извинился перед пенсионеркой, сам не знаю, за что. После беседы с ней (а говорили мы о многом) первым делом взял с полки святцы. Действительно, есть. В переводе с древнегреческого – "благозванный". На мой взгляд, почти синоним "аристократическому". Боюсь, однако, что родственница профессора, у которой оказалось не менее аристократическое имя, не согласится со мной.

Так началась другая жизнь моей книги, жизнь после выхода...Очень интенсивная жизнь! Кажется, чему тут удивляться? Ты же сам вызвал огонь на себя, дал свой телефон. Если сам автор называет свой труд "открытым синодиком" и предлагает сообщать новые данные... Книга - о неизвестных страницах истории, о судьбах замечательных граждан родной Перми. Подзаголовок у нее такой: "Над Стиксом. История Перми в зеркале старинного некрополя". Имеется ввиду Егошихинское кладбище, что в Разгуляе, поскольку оно - ровесник города, чудом выживший, можно сказать, доползший до XXI века на полусогнутых. В течение одного месяца после выхода в свет откликов на сей труд поступило столько, что можно издавать продолжение книги, не меньшего объема. Но такой шанс вряд ли скоро подвернется, поэтому надо обмозговать, обнародовать хотя бы самые значительные отклики.

Сказать, что я только радовался такому резонансу... не скажу, потому что после каждого разговора сжималось сердце: "Эх, где вы были раньше! Если б знать, как бы это украсило книжку!.."

ХХХ

Тема эта сложная, настраивающая на определенный лад, часто даже расстраивающая, а то и пугающая... "Не время выкликать теней: и так уж мрачен этот час. Усопших образ тем страшней, чем в жизни был милей для нас," – так, чисто по-женски выразила ощущения многих поэт Наталья Рокина. В самом деле, "как можно чувствовать себя важной персоной, когда знаешь, что смерть неуклонно идет по твоему следу?" Это сказал философ XX века Карлос Кастанеда ("Учение Дона Хуана"). Он же:

"Когда ты в нетерпении или раздражении – оглянись налево и спроси совета у своей смерти. Масса мелочной шелухи мигом отлетит прочь, если смерть подаст тебе знак... Смерть – наш вечный попутчик, она всегда находится слева от нас, на расстоянии вытянутой руки".

Среди тех, кто обращается к автору путеводителя по Егошихинскому некрополю, немало таких, кто надеется отыскать могилку своих родных. Все понятно: у человека совесть не на месте: потерял, давно не ходил, не навещал, суета сует...

Ход жизни неумолим, и сколько угодно случаев, когда пресекается род, пересыхает ручеек памяти... А посмотрите сегодня: состояние многих памятников, которые можно отнести к разряду достопримечательностей, характеризуется как неудовлетворительное. И это несмотря на то, что Егошихинское кладбище - мемориальное, историко-культурно-природный объект, категория охраны – местная. Кусочком шагреневой кожи (если использовать образ Бальзака) выглядит на карте Перми этот некрополь. Особенно в сравнении с гигантским городом мертвых, который стал стремительно разрастаться в 90-х годах XX века на северной окраине города.

Человек ведь, как правило, не думает о неизбежном, избегает этих мыслей. Но они настигают его в разное время. О том, что такое смерть, мы впервые задумываемся в возрасте 7-9 лет (по себе сужу). И потом бросаем этот "ребус" надолго, до... Мне запало в душу парадоксальное, на первый взгляд, умозаключение русского философа и священника о. Павла Флоренского. "Человек, - пишет он, - умирает только раз в жизни, и потому, не имея опыта, умирает НЕУДАЧНО" (!)

Логика его проста: смерть, как и всякая деятельность, требует навыка, стало быть, чтобы умереть "вполне благополучно...надо выучиться смерти". На самом деле парадоксальности здесь мало. Навыки умирания вырабатывались, пишет о. Павел, с древности (подвижничество, мистерии, обряды, которые имели целью уничтожить смерть как разрыв, как провал или ниспадение). "Демоны, или по-нашему ангелы экстаза уносят... в иное царство душу посвященного чрез восхищение ее".

Но философ говорит о необходимости при этом умереть для мира: человек, вкусивший такого бессмертия, умереть не может. А ведь нам ближе, понятнее, человечнее, теплее другие посвященные: кто живет для других, тот приближается к восхищению. И, значит, в таком человеке есть что-то от ангела экстаза.

За свои полвека я видел уже несколько смертей. Уходят в мир иной, "к большинству", очень по-разному. Некоторые испытывают смертельный ужас. Две старые женщины, обе одинокие, мужей давно похоронили, детей не имели. Вот эти старушки в свой последний час боялись смерти. Схожий финал обеих приводит к выводу: большую часть жизни они существовали для себя, так может, в этом и есть ключ к разгадке предсмертных мук?

Надежда Ивановна, другая моя хорошая знакомая, любит людей ...и не любит священников. Сама-то Надежда Ивановна живет по библейским заповедям, а вот церковников не жалует. Говорит, что не понимает, к примеру, как священники могли разрушить могилы возле кладбищенского храма. "Пусть не сами рушили, но они должны ведь не допускать такого безобразия в оградке их церкви! Все запустили, такие равнодушные!.."

По тому, как живет Надежда Ивановна, как исполняет свой человеческий, дочерний, материнский долг, я вижу: в ней угадываются черточки того самого спокойного восхищения. Земного ангела экстаза смерть не застанет врасплох.

Меня иногда спрашивают, не страшно ли заниматься "такой темой", не тяжело ли было душе. Не тяжело! Это увлекательный исследовательский процесс. Священник одного из кладбищенских храмов сразу сказал нам, благословив на сей труд, что "это дело богоугодное". Кроме того, был и личный мотив, очень светлый: я делал это еще и ради дорогой памяти матушки своей Анисьи Васильевны, которой, так уж получилось, практически не знал. Поминать ее мы ходили всей семьей каждый год, в родительскую субботу. Или в Фомину неделю, это начало мая, или в июне на Троицу...

Жизнь слишком коротка, чтобы бояться смерти.

Осмелюсь утверждать: каждому полезно совершать, хотя бы изредка, своеобразное путешествие на ту сторону реки мертвых. На другой берег, через года, века и судьбы...Остановиться у молчаливых надгробий, помянуть предков - "Все там будем!" - повспоминать, помолиться за их души. Видит Бог, немые свидетели истории многое могут рассказать о нас самих...

И ответить на главный вопрос: "Так ли живем?.." Не зря же Василий Шукшин утверждал, что о человеке надо знать как минимум три вещи, три станции: как родился, как женился, обзавелся семьей, и как умер. Как кандидатский минимум – для кандидата на возможную жизнь и на смерть обязательную.

...В трубке – взволнованный женский голос (о том , что на другом конце провода волнуются, можно догадаться по легкому заиканию позвонившей):

-Неужели вы нашли могилу поэта Можаева?

-Нет, - сразу и честно признаюсь я. Дело в том, что могилу поэта, стихи которого я читал только в сборнике "Пульс-90", мы не нашли даже вместе с писателем Владимиром Михайлюком, который бывал на могилке, он хорошо знал Евгения, стихи его читал наизусть, пока мы бродили в поисках памятника. Но... кладбище "водит", это я знал по собственному опыту, и место могилы поэта на карте некрополя пришлось обозначить приблизительное, указав только квартал.

-Так я могу вам показать это место! – воскликнула женщина. – Да что я! Лучше я дам вам телефон родной сестры Жени, правда, ей 80 лет...Евгений был очень красивый человек, очень талантливый, я его никогда не забуду. А ведь погиб он вы знаете из-за чего? Из-за несчастной любви, да...

Созвонившись с сестрой, мы договорились о встрече, назначив место у храма Всех святых.

И вот опять мистика! До сих пор памятник Можаеву никак не обнаруживался. А тут, еще направляясь на свидание с родственницей, я вдруг сам, без подсказки, увидел его, этот каменный обелиск. Вот же он, у самой дорожки, соединяющей два кладбищенских храма: Евгений Архипович Можаев, 1923-1958... Из рассказов родственников, других людей, знавших и любивших его, вырисовывается судьба поэта, короткая, трагическая, яркая, как удар молнии, зигзагом ушедшая в пермскую землю.

Короткие строчки биографии включают войну, после – учеба на филфаке, творчество и – настоящая, огромная, увы, безответная любовь. Однажды для него все сошлось, схлестнулось в одной мертвой точке, и житейские неурядицы, и воспоминания о своем участии в провальном десанте (после которого он даже оказался за "колючкой")... И - разбитая любовная лодка. Для поэта хватило бы и одной из этих передряг, а тут все вместе. Непосильно!

Он писал стихи. Он не пил водку, как многие его сотоварищи. А тут он взял и выпил смертельную дозу уксуса, чтобы покончить разом со всем.

Можно было написать красиво: поэт жил ради любви, и доказал своим поступком, что может погибнуть ради любви. Но нельзя кривить: Евгений жалел о своем шаге, но было поздно. В больнице он сказал: "Распорядился я своей жизнью глупо..."

Кто осмелится быть ему судьей – тому посоветуем сначала почитать стихи Евгения. Прекрасный лирический дневник, возвышенный, чистый голос любви в драматичных обстоятельствах. Случай Можаева заставляет нас задуматься о нехватке бережного отношения к ближнему, о том, чем может обернуться небрежность в отношениях к окружающим. Кстати, об этом же говорила женщина по телефону, говорила не только на примере судьбы поэта, но и своей собственной. Она рассказала о секрете своего заикания, это обстоятельство перекорежило все ее жизненные планы. До сих пор у нее осталась обида на Льва Давыдычева (семьи их жили по соседству), писатель "прописал" ее в своей повести про Ивана Семенова. Обес-смертил, можно сказать, но...в качестве заики, и это обстоятельство для девчонки стало страшным ударом. Так было неприятно, обидно и горько, что не хотелось жить. А когда вышел фильм по той же повести, Аделаида не смогла смотреть, выбежала из кинозала.

Сейчас она говорит: "Я уже на него не обижаюсь, на Льва Ивановича, конечно, я его простила..." Но по тону, по тому, как обстоятельно, как о вчерашней обиде, говорит она о своем давнишнем, детском горьком недоумении –"зачем он так поступил?" - мне стало ясно, как дважды два: нет, до конца так и не простила.

Два события было в начале ее жизни: смерть знакомого поэта и выход книги, в которой все узнавали ее. Два потрясения, оказавшихся равновеликими по силе воздействия и протяженности в памяти. Как слово наше отзовется...

"Откуда же берется недовольство собой и бесцельностью и бессмысленностью собственной жизни, которое приводит к решению выйти в тираж?" - задавалась проклятым русским вопросом интеллигенция в X!X веке (Шелгунов "Очерки русской жизни). В словарях этому фразеологизму – "выйти в тираж" дается толкование: "умирать, кончать самоубийством". Но с пометкой: "устар", то есть устаревшее.

Как же, "устар"... Поздним вечером, уходя с кладбища, я случайно увидел на железной пирамидке со звездочкой безусое лицо солдата, фотография его оказалась словно выжжена лучом заходящего солнца. Под снимком – надпись: "Борис Макаров. 30 сентября 1959 года покончил жизнь выстрелом в висок".

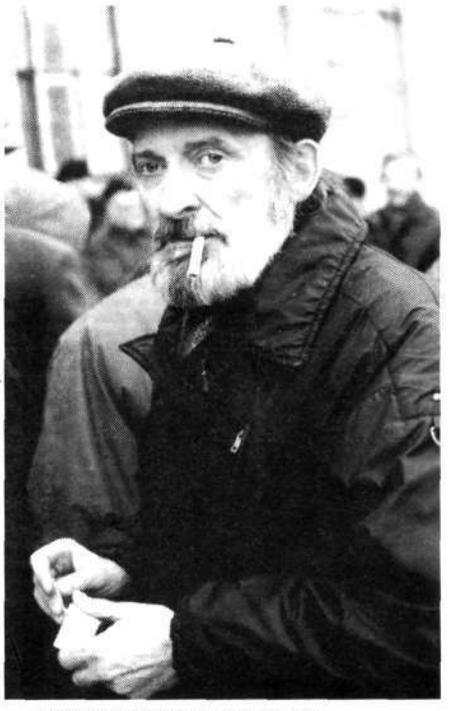
Что, зачем, почему? Рой недоуменных вопросов... Как и Евгений, он тоже не успел пожить. Не успел выполнить свое предназначение на земле.

Владимир ГЛАДЫШЕВ

На снимке: таким был поэт Евгений Можаев.

Александр Старовойтов

Струна тончайшего лиризма



Так в Перми (а может быть, и в России) сегодня умеет писать только один поэт – Алексей Решетов. Виртуозно теребит всю свою творческую жизнь одну и ту же струну – струну тончайшего, задушевного лиризма. Трудно быть живым классиком, ох как трудно! – Читатели требуют от него чего-то новенького, необычного. Решетов на это не поддается. Он просто замолкает надолго. И тут его поклонники начинают понимать, что поэт обокрал их: лишил возможности слушать ту самую струну, к звуку и тональности которой они, как им показалось, привыкли и больше не желают слушать. Впрочем, "замолкает" – не совсем верно. Точнее – его просто не издают. Бойкие графоманы, умеющие находить деньги, издали за короткие сроки своих книг значительно больше, чем Решетов за всю жизнь ("Холодно, голодно бедным" поэтам...) Но зато когда наконец появляется новый сборник кумира, читатели, преподаватели литературы стряхивают с себя липкую пену серого графоманского моря и с упоением припадают к живому источнику решетовской лирики. Доброе дело сделал Банк культурной информации (г.Екатеринбург), подарив людям такую возможность: прекрасно изданную и отредактированную профессором Л.П.Быковым книгу "Темные светы". Открывай, читатель, открывай на любой странице и наслаждайся...

Я – невидимый сверчок –
Очень добрый старичок:
Не умею песни петь,
Но зато могу скрипеть.

Люди спят, а я не сплю,
Свои песенки скриплю.
Свои песенки скриплю,
Потому что вас люблю.

Бедные люди, откуда они
В наши прекрасные, светлые дни?
Дуня с гусаром умчалась в метель.
Двое с Башмачкина сняли шинель.
Холодно, голодно бедным зимой. –
Варенька, маточка, ангельчик мой!

Дыхание чистого и вечного

"Претерпевая медленную юность,
Впадаю я то в дерзость, то в угрюмость,
Пишу стихи, мне говорят: порви!
А вы так просто говорите слово,
Вас любит ямб,
и жизнь к вам благосклонна",
- так написал мне мальчик из Перми..."

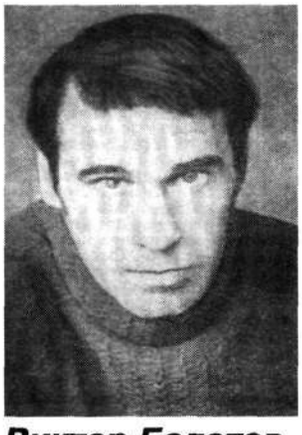
Так написала однажды Белла Ахмадулина в стихотворении "Спас полунощный". Оно было опубликовано в газете "МВ-Культура" (№12-1999 г.) как посвящение выставке "Се человек", проходившей в Москве в залах музея изобразительных искусств им. Пушкина ("пермские боги" и скульптура Германии).

Откуда появился этот "странный мальчик", - терзались мы догадками. Терзались недолго. К нам в редакцию позвонил писатель Роберт Белов и сообщил, что прообразом этого мальчика послужил Виктор Болотов, когда-то давно написавший московской поэтессе и...не получивший от нее поддержки. Возможно, легкое раскаяние и послужило для Ахмадулиной толчком к созданию "Спаса". Как мы помним, автор честно призналась: "я не наставник юных дарований".

Но главное, конечно, не в этом. Стихотворение кончается надеждой на помощь того, Скорбевшего в Иерусалиме": "...Коль он часовню ветхую покинул, то лишь затем, чтоб отвести погибель от чад земных, что будут после нас".

В этом году в Пермской писательской организации прошел вечер памяти Виктора Болотова (1941-1996). Он не дожил ни до выставки, ни до нового века. Но поэт ждал, предчувствовал рубеж – и готовился к прыжку в неведомое.

В параллель Ахмадулиной приведем здесь одно его стихотворение.



Виктор Болотов

На берегу лесного вечера
плескалась тихая листва.
Дыханьем
чистого и вечного
дышали мерные леса.
Мне представлялось море времени
и всплески мерных волн его.

Рассветы – розовыми гребнями
и дни – бездонной синевой.
Волна к волне влюбленно лепится.
Клубится дымно глубина
И все колеблется-колеблется,
качает долгая волна...
И даль России предрассветная
горит на смутном рубеже...
Так осязаемо бессмертие,
так больно,
так светло душе...

Храм поэта

Как-то раз приехал Евгений Евтушенко в Белогорский монастырь. Не паломником – туристом. По дороге попалось ему село с занятным названием Ерши. Даже написал экспромт. Но когда знаменитому поэту сказали, что здесь какой-то московский писатель, уроженец этих мест, строит церковь, - он не поверил. Сказал, что такое может позволить себе какая-нибудь Маринина.

Однако это правда. И писатель этот – Македоний Федотовских. Уж что-что, а туристом на своей земле этот человек себя не чувствует. О своем неординарном поступке пусть он скажет сам. Как может. И Бог ему в помощь.

Македоний Федотовских

Возвращение

Родина! Прими меня обратно.
Грешного, усталого прими.
По стране поездил... Слышу внятно:
Сердце – компас тянется к Перми.

Пусть январь дохнет ледовой стужей,
Рыжим зноем лето опалит,
Все равно в родных местах не хуже,
Все равно о них душа болит.

Может, храм построю, ввысь взирая,
Злых людей от зла отговорю...
Из краев – родимый выбираю,
И свечою перед ним горю...

Родина, прими меня обратно.

А ее взор так много обещает...

Помню, в годы моей юности мы часто напевали: "У самовара я и моя Маша, а на дворе совсем уже темно ... Маша чаю наливает, а взор ее так много обещает..." Песня-фокстрот звучала на всех танцевальных площадках, в парках и садах, в кафе, ресторанах, клубах Перми и была очень популярна не только среди молодежи, но и взрослого населения.

Люди, у которых в то время были радиоприемники, слушали ее в передачах из-за границы в исполнении русского певца-эмигранта Петра Лещенко. На пластинках, выпущенных в Риге в 1933 г. фирмой "Полидор", было написано: автор музыки и слов Ф. Гордон – это был псевдоним польки Фанни Квятковской. А в феврале 1934 г. джаз-оркестр под управлением Леонида Утесова записал песню на пластинку советской фирмы "Мелодия". Но на ней было написано: песня "У самовара", музыка в обработке Л. Дидерихса, слова Лебедева-Кумача.

Так известный поэт-песенник присвоил себе текст не им написанной песни и до своей смерти (20 февраля 1949 г.) получал за нее все гонорары.

В 1945 г. Квятковская вместе с матерью переехали из Польши в Советский Союз, как они считали, на Родину (Фаина Марковна родилась в г. Ялте и полькой была по отчиму). Родина встретила их неприветливо: пришлось скитаться по городам, средств едва хватало на пропитание. Одно время она была руководителем джаз-ансамбля Калининской филармонии. Когда ансамбль был разогнан, она фактически осталась без работы.

После смерти Лебедева-Кумача Квятковская обратилась к Леониду Утесову, сообщив, что слова и музыка песни "У самовара" принадлежат ей. Тот обещал разобраться, восстановить справедливость. Но ...Это было сделано только в 1979 г. Квятковской был начислен "сумасшедший" гонорар за слова песни – 9 рублей.

- Фаина Марковна, - сказал еще Утесов, - почему вы молчали? Почему не пытались восстановить свои права?

- Я боялась! – ответила она.

В самом деле: борьба ее с орденоносным Лебедевым-Кумачем был равносильна самоубийству.

"Ангелов нет. Искушения бывают даже у самых порядочных людей", – писал он в своих записных книжках.

Александр Дмитриев

Вместо послесловия.

Чтобы не возникло подобных ситуаций (весьма щекотливых и неприятных!), каждому творцу полезно "подковаться" в вопросах авторского права. Пермский региональный правозащитный центр предоставляет для этого прекрасную возможность. Здесь проводятся и консультации (бесплатные), и семинары по отдельным отраслям авторского права – для журналистов, художников, музыкантов, писателей. По наиболее сложным, социально значимым делам осуществляется патронаж.

Дружите с законом! Телефон ПРПЦ: 901-304

"ТОЛКУЕМ О БЫТЕ И О БЫТИИ"

Гражданская война в России поставила перед интеллигенцией сложную проблему – проблему выбора – выбора в широком смысле: происходившего на философском, политическом, социально-бытовом планах бытия одновременно.

Размышления о будущем России были постоянными и повсеместными. Не была исключением и Пермь, ставшая осенью 1918 г. местом напряженной интеллектуальной жизни многих известных российских ученых. Здесь работали Н.Н.Фиолетов, Д.В.Болдырев, А.А.Фридман, Н.П.Оттокар, Н.В.Устрялов и многие другие. Приехавшие в 1916 – 1918 гг. из высших учебных заведений центральных районов России, молодые приват-доценты и доценты в Перми получали возможности быстрого профессионального и карьерного роста: в течение кратчайшего времени им присуждались профессорские звания. Кроме того, после начала гражданской войны, Пермь привлекала как прифронтовой город – возможность оказаться "по ту сторону" большевистского режима здесь была более реальной, чем в столицах; следует отметить еще и отдаленность от центра, вследствие чего здесь какое-то время продолжала существовать относительная политическая и экономическая стабильность.

Особый интерес вызывают размышления двух российских мыслителей о судьбе России. Их воззрения "пермского периода" дают возможность познакомиться с двумя разновидностями этатизма.

Один из них, Николай Васильевич Устрялов, высказывал идеи, которые впоследствии составили основу сменовеховства. Другой, Дмитрий Васильевич Болдырев, ратовал за создание теократического государства. Они вместе, будучи в Перми, переживали трудности эпохи военного коммунизма, а позднее работали в качестве директоров Русского Бюро Печати при Омском правительстве А.В.Колчака.

Путь, который проходит та или иная идея от момента своего возникновения до оформления в идеологию, обычно не просто бывает отследить. В данном случае у нас есть возможность наблюдать его.

Свои впечатления о "пермском периоде" Николай Васильевич Устрялов отразил в дневнике ("Былое –Революция 1917 г. (1890-1919)". М.: "Анкип", 2000), материалы которого дают редкую возможность прикоснуться к реалиям повседневной жизни интеллигенции города во второй половине 1918 г., ощутить как исторический, так и человеческий масштаб событий.

Понимание несовместимости своих взглядов с официальной позицией большевиков заставляло Н.В.Устрялова их скрывать: "Сидишь тише воды, ниже травы. И особенно неприятно, что это, казалось бы, все-таки временное, переходное положение грозит затянуться до бесконечности..."

Продовольственные экспедиции, "гнет мелочей" отнимали много сил, но невозможность свободного выражения мыслей подавляла: "Помимо внешних, материальных условий, - душно сознанию, духу". Характеризуя большевистские порядки как "жестокий коммунизм", Н.В. Устрялов дает на страницах дневника очень точную и емкую характеристику тех условий жизни при которых, несмотря на все эти трудности, рождались новые идеи.

Он следующим образом характеризовал оживленные дискуссии той поры: "По вторникам бываем у Болдыревых, толкуем о том и о сем, и о быте, и о бытии... Рассказываются мешочнические впечатления. Трактуются глубочайшие философские проблемы. В последний раз долго говорили о том, права ли инквизиция, сжигая еретиков, и вообще, нужно ли их сжигать. Д.В.Болдырев утверждал, что права и нужно, а Фиолетов – что не права и не нужно. Болдырев увлекается неким французским исследованием о средневековом колдовстве и готов проводить ряд аналогий, имеющих злободневный интерес. Массовая одержимость, козни дьявола. Нужно выжечь заразу с корнем, - иначе она погубит мир. "Ерунда, что с духовным злом или психической одержимостью нельзя бороться внешней силой. Только нужно уметь бороться. Вот вам – история с альбигойцами: вырезали всех до одного и зло победили. Надо учиться у церкви..." Фиолетова, как сторонника свободы веры и богослова, не свободного от некоторого налета протестантизма, такие решительные тезисы коробили".

Общение с Д.В.Болдыревым, по всей видимости, оказало определенное влияние на кристаллизацию собственных позиций Н.В.Устрялова...Представления Д.В.Болдырева об историческом процессе были пронизаны эсхатологическими ожиданиями, основанными на историософских догматах...

После 24 декабря 1918 г., когда Пермь перешла к белым, Д.В.Болдырев, так же, как и Н.В.Устрялов, сотрудничал в газете "Свободная Пермь". Его взгляды, изложенные на ее страницах, демонстрируют непримиримую позицию противника большевизма, воспринимавшего происходившее как "кровавую трагедию русской жизни", определяемую тем, что "...прекращение борьбы для большевиков в настоящих условиях – равносильно прекращению жизни".

С иронией Д.В.Болдырев рассматривал распространенный в то время взгляд на русскую историю: "Триста лет... Россия изнемогала под игом Романовых". И триста лет преподаватели истории будут повторять эту фразу. Чрезвычайно простая концепция: сперва татарское иго, потом романовское иго, потом большевистское иго. От ига к игу – таков путь русской истории. Учредительное собрание с патриотом Черновым – единственная светлая точка на этом пути, но и она исчезла...".

Основы собственного понимания путей выхода из трагедии российской истории Д.В.Болдырев изложил в публичной лекции "Школа Святой Софии", прочитанной в Обществе исторических, философских и социальных наук при Пермском университете 23 марта 1919 г. (Болдырев Д.В., Болдырев Н.В. "смысл истории и революции") (М.: изд-во журнала "Москва", 2001 г.) Лектор не только дал свой "идеал школы будущего", но и по-своему ставил сакральные вопросы русской истории - "Кто виноват?" и "Что делать?":

Ответ на первый вопрос был следующим: "Русская интеллигенция, говоря ее языком, только что "переживает крушение всех своих идеалов"... "Идеализм" - таково имя этого круга, в котором столько лет мучаются души русских интеллигентов. Кто подготовил им этот печальный удел? На это можно ответить одним словом: **школа**". По мнению Болдырева "современная школа убивает в нас чувство оседлости, очага и превращает в каких-то кочевников по пустыням времени и пространства... менее всего наша школа способна творить цельных людей".

Ценности демократического порядка для Болдырева весьма сомнительны... Мучительный вопрос о дальнейших путях развития российского общества не давал покоя... Для себя лично он нашел совершенно определенный ответ: "...вне церкви у нас не было и не может быть никакой жизни, никакой культуры, вся наша история была, в сущности, историей Церкви"; "...церковное сознание есть цельное сознание"...

Размышления двух мыслителей о будущем России оформились в конечном счете в две разновидности этатизма. Причем, Д.В.Болдырев был жестким сторонником идеи создания теократического государства, стержнем которого должна была стать Церковь. Этатизм Н.В.Устрялова тогда не был еще столь бескомпромиссным, но развивался параллельно в направлении так называемого "национал-большевизма". К сменовеховству Н.В.Устрялов пришел не сразу...

В статье "Уроки революции", опубликованной в Перми, мыслитель, признавая необратимость произошедших в России перемен, отмечал: "...И слеп тот, кто, игнорируя происшедший сдвиг, надеясь сделать бывшее небывшим, мечтал бы вернуть страну на путь старого порядка. При настоящих условиях вряд ли что может быть хуже и вреднее такого "большевизма справа", ничего не забывающего и ничему не научающегося. И, слава Богу, что он бессилен в нашей политической жизни".

Но еще велики были в тот момент надежды на реализацию "белой альтернативы" развития России. Очевидно, что их наиболее ярко воплотил в своих мировоззренческих позициях Д.В.Болдырев, один из наиболее последовательных идеологов Белого движения. Его идеи вызвали к жизни боевые дружины Святого Креста, действовавшие в Колчаковии в 1919 г. под его личным руководством.

Возникновение сменовеховства традиционно связывалось с процессами послереволюционной эмиграции и депортации интеллигенции, объявлением НЭПа; однако же скрупулезный анализ документов, и, прежде всего, материалов личного происхождения доказывает, что данная идеология формировалась еще в период гражданской войны.

Гульсина СЕЛЯНИНОВА

СУД ГАЙДАРА
или НАПРАСНО ШУМЕЛ РАЙХМАН

Редкий случай: 10 августа 1996 года областная газета "Звезда" перепечатала – через 70 лет после первой публикации - фельетон своего бывшего литературного работника А.П. Гайдара (Голикова) "Шумит ночной Марсель". Речь в нем шла о судебном следователе, который совмещал свою деятельность в органах правосудия с работой в частном ресторане в качестве музыканта. Это была громкая история...

...Осенью 1926 года по заявлению героя фельетона автор был привлечен к уголовной ответственности. Суд оправдал Аркадия Петровича по обвинению в клевете: факт нелепого совмещения должности следователя и музыканта частного ресторанчика, что критиковалось в фельетоне, был не оспорим.

Однако суду показалось оскорбительной форма фельетона (вторая статья обвинения): один из вымышленных героев – завсегдатай ресторана – обращается к следователю в уничижительном духе. За оскорбление в печати по статье 173 тогдашнего Уголовного кодекса А.П. Гайдар был наказан. Здесь уместно привести цитату из приговора: "...подвергнуть лишению свободы сроком на одну неделю..." Суд, приняв во внимание, что Голиков социально опасным для общества не является, на основании ст. 28 УК считает возможным наказание Голикову смягчить, заменив лишение свободы общественным порицанием на общем собрании сотрудников редакции "Звезда".

Казалось, что в конфликте, давно ставшем историей, поставлена точка. Гайдар одержал убедительную моральную победу, его поддержали читатели.

Каково же было мое удивление, когда прочитал в той же газете (26 августа 1996 г.) письмо одного из читателей, адвоката Исаака Райхмана "Шумел Гайдар, а не Марсель", в котором он писал, что "перепечатка фельетона оскверняет память замечательного человека, невинно оклеветанного" более семидесяти лет тому назад. Далее он сообщает, что Гайдар "состряпал" фельетон в отместку Н.И. Филатову, который в свое время допрашивал его (вместе с другим хулиганом) как следователь. И о каком же "месяце тюремного заключения" пишет И. Райхман? Достаточно прочитать приговор суда, чтобы убедиться в обратном.

Юристу Райхману непростительна и вольная интерпретация судебной процедуры по этому делу. Он утверждает, что вышестоящий суд заменил лишение свободы Гайдара на условное наказание, тогда как известно, что кассационную жалобу Уральский суд оставил без удовлетворения и утвердил приговор суда. Дисциплинарная сессия областного суда указала следователю на недопустимость совместительства, он был освобожден от должности, что еще раз подтвердило правоту гражданской позиции Гайдара.

Райхман еще раз попал впросак, потому что целиком полагался на оценки событий заинтересованным лицом, т. е. тем самым следователем, с которым, как выяснилось, он познакомился случайно в конце 50-х годов, и видимо, только с его слов знает историю суда над пермским фельетонистом Гайдаром.

И, наконец, последнее. Этична ли перепечатка фельетона, оскверняет ли она память замечательного человека, каким был, по утверждению И. Райхмана, герой фельетона? Возможно, да. Но ведь юрист, публикуя без должных доказательств сведения, порочащие Гайдара, сам преступает не только этические, но и правовые нормы.

Родственники Гайдара имеют право потребовать опровержения этих сведений. Другое дело, найдут ли они это целесообразным.

Владимир Ширинкин.

ПЕРМСКИЕ СРЕДЫ

Только одно женское имя вошло в известный сегодня по переизданию сборник В.С. Верхоланцева "Город Пермь, его прошлое и настоящее". Это Евгения Павловна Серебренникова (1854-1897). Родилась в Екатеринбурге, училась на высших акушерских курсах в Петербурге, специализировалась по глазным болезням в Петербурге и за границей. В 1885 году возглавила глазное отделение Пермской губернской Александровской больницы.

В течение 10 лет Евгения Серебренникова произвела до 6300 глазных операций и приобрела себе известность в Пермской и даже соседних губерниях. Но, помимо всего, Евгения Павловна Серебренникова вела большую благотворительную работу, была инициатором различных литературных вечеров, художественных чтений, лекций.

Многим в Перми были известны "среды" в семье Серебренниковых. Здесь приветливо встречали каждого человека.

Рано ушла из жизни Евгения Павловна, но "среды" не прекратили своего существования, проходили они у Павла Николаевича Серебренникова, мужа Евгении Павловны, а затем продолжила традиции семьи его вторая жена – Александра Степановна.

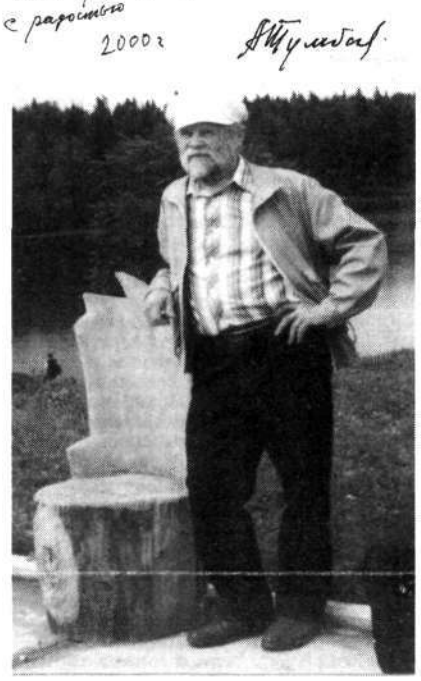
Ольга Мельчакова, ведущий специалист ГАПО.

P.S. Когда пермские краеведы заговорили о создании своего клуба, общества, выбор дня заседаний произошёл "как-то само собой". Клуб "Пермский краевед" стал собираться по средам. Каждую последнюю среду месяца, а местом собрания столь почтенного общества наследников дела Серебренниковых и товарищей стала в последнее время "Горьковка" – областная библиотека. Можно считать, традиции этой более 100 лет.

На снимках: "Портрет Евгении Серебренниковой" (худ. О. Пермякова); пермские краеведы отмечают в своем клубе и дни рождения.

Автограф

ЕГО ОДА К РАДОСТИ

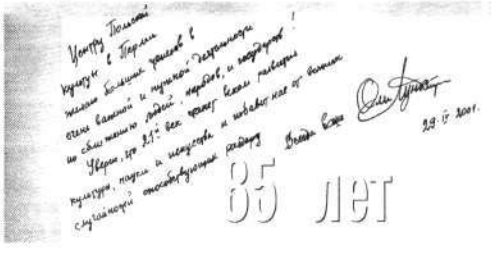


Анатолий Николаевич Тумбасов был личностью светлой и объединяющей. Простая эта мысль стала очевидной многим, когда Пермь провожала своего почетного гражданина, ушедшего из жизни в июне 2001. Тумбасов был членом двух творческих союзов, художников и журналистов. "Пишу и слушаю природу", - так сформулировал он свое кредо. Принято считать, что издавался он немало. В самом деле, и выставки устраивались часто, и книжки у Тумбасова появлялись - и для детей, и для взрослых, помимо Перми в Москве и в Челябинске. "Эхо камня говорливого", "Дрема луговая", "В разливах рек – моря", "Шмель на этюднике", "Капельки", "Смелый гриб"... И каждой радовался, как ребенок. На своем "Осеннем хороводе", оказавшемся последним прижизненным изданием его, Анатолий Николаевич такой автограф и оставил мне: "С радостью!"

Впечатляющую "Оду к радости" он сотворил. Но оказалось, у него еще было много заготовок, планов...

Да одолевать стали Анатолия Николаевича сомнения. Он размышлял: "...И то же пишу, да уж и сам не так читаю и сомневаюсь: надо ли? А все равно пишу, чтобы хоть себя уверить, что красота и природа никуда из жизни не делись и еще готовы утешить человека".

Владимир ГЛАДЫШЕВ

ОТ КОРОЛЯ ДЖАЗА

Когда весной этого года в Пермь приехал знаменитый джаз-оркестр неувядаемого Олега ЛУНДСТРЕМА (85 лет!), для руководителя самым обидным вопросом было, помнит ли он Генриха Терпиловского. Лундстрем не только помнит. Он считает Пермь городом Терпиловского, одного из основателей советского джаза, друга его юности. Получив в подарок только что вышедшую книгу "Пермские поляки", где опубликован и очерк о "Генри", благодарный "король джаза" подарил, со своей стороны, юбилейный буклет. С автографом.